

Н. Д. УСПЕНСКИЙ,
заслуженный профессор
Ленинградской духовной академии,
доктор церковной истории

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛИТУРГИЯ (Историко-литургическое исследование)*

Глава 2

АНТИФОНЫ, МАЛЫЙ ВХОД И ТРИСВЯТОЕ

Источники исследования

Типиконы

Список устава Великой Константинопольской церкви, рукопись биб-ки Патмосского монастыря № 266, конца IX века. Опубликовано *проф. А. Дмитриевским* в «Описании литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока». Т. I, Киев, 1895, с. 1—152.

Список того же устава, рукопись Иерусалимской патриаршей биб-ки (бывшей Крестного монастыря) № 40, датируемый 950—970 годами. Опубликовано *проф. Х. Матесом* (интродукция, критический текст, перевод и примечания) *Le Typicon de la Grande Église, t. I, Le cycle des douze mois. Roma, 1962; t. II, Le cycle des fêtes mobiles. Roma, 1963.*

Список того же устава, рукопись б. Королевской биб-ки в Дрездене, № 140, датируемый не позже первой половины XI века и частично опубликованный *проф. А. Дмитриевским* в его труде «Древнейшие патриаршие типиконы Святогробский Иерусалимский и Великой Константинопольской церкви». Киев, 1907.

Типикон Константинопольского Евергетидского монастыря, рукопись биб-ки Афинского университета № 788, XII века. Опубликовано *проф. А. Дмитриевским* в «Описании литургических рукописей...», т. I, Киев, 1895, с. 256—656.

Τόλιχον τῆς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας, Ἀθῆναι, 1913 **.

Евхологионы и архиератиконы. Толкования

Литургии святых Василия Великого и Иоанна Златоуста из рукописи Ватиканской биб-ки № 336 (77) VIII—начала IX века в публикации *С. А. Swainson. The Greek liturgies, London, 1884.*

Дополнительный материал по Византийскому обряду *F. E. Brightman. Liturgies Eastern and Western, vol. I, 1896.*

Евхологион Ленинградской публичной биб-ки, собрание епископа Порфирия (Успенского), № 226, IX—X века. Литургию Иоанна Златоуста опубликовал *проф. Н. Красносельцев* в труде «Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки», Казань, 1885, с. 283—295.

* Продолжение. Начало см. «Б. тр.», сб. 21-й.

** Редакция просит извинения у читателей за невозможность по техническим причинам воспроизвести греческий текст с приращениями и ударениями.

Манускрипт нероднакона Патмоского монастыря Исидора Проманлиса, датируемый XII веком (не позднее), опубликованный *И. Гоаром* в *Ευχολογίων sive Rituale Graecorum*, ed. 2, Venetiis, 1730, с. 153—156.

Диаконикон Синайской биб-ки № 1040, XII века, опубликованный *проф. А. Дмитриевским* в «Описании литургических рукописей», т. II, Киев, 1901.

Илтарий Синайской биб-ки № 1020, XII—XIII века. Опубликован *проф. А. Дмитриевским* в том же томе «Описания...».

Илтарий Патмосской биб-ки № 709, 1260 года, опубликован *проф. А. Дмитриевским* в том же томе «Описания...».

Ἐργηεῖα τῆς Θείας λειτουργίας τοῦ Ἀγίου Ἰωάννου τοῦ Χριστοστομοῦ --- свиток биб-ки Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне, семидесятые годы XIII века. Опубликован *проф. Н. Красносельцевым* в труде «Материалы для истории чинопоследования литургии святого Иоанна Златоуста». Казань, 1889, с. 9—15.

Толкование на литургию святого Германа, патриарха Константинопольского, в редакции VIII—IX века на греческом языке в рукописях Ватиканской биб-ки № 790, XV—XVI века, и Московского Исторического музея, Синодальное собрание, № 327 (314) XV века, и на славянском — рукопись того же музея, Синодальное собрание, № 163 (262), опубликованное *проф. Н. Красносельцевым* в труде «Сведения о некоторых литургических рукописях». Казань, 1885, с. 323—375.

Robert Taft. The Pontifical Liturgy of the Great Church according to a Twelfth-Century Diataxis in Codex British Museum add. 34080. "Orientalia Christiana periodica", vol. XLV, fasc. II, Roma, 1979.

Διαταξίς τῆς τοῦ πατριαρχοῦ λειτουργίας, πῶς γίνεται ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ; рукопись биб-ки лавры преп. Саввы Освященного (ныне Патриаршей биб-ки), № 362 (607), опубликованная *проф. А. Дмитриевским* в «Описании...», т. II, с. 301—319.

Ταξις, γινόμενῃ ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ ἐπὶ τῷ ἑσπερινῷ, τῷ ὄρθρῳ, τῇ Θεῖᾳ καὶ ἱερα λειτουργίᾳ καὶ ἐπὶ τῇ χειροτονίᾳ τοῦ ἐπισκόπου. Канонический сборник XV века Русского Андреевского скита на Афоне. Опубликован *проф. А. Дмитриевским* в «Описании...», т. I. Киев, 1895. с. 164—172.

Isaac Habert. Ἀρχιερατικόν. Paris, 1676.

Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis Aulae Byzantinae libri duo. Bonnae, 1829.

В заключение списка источников считаю своим приятным долгом выразить благодарность профессору Папского Восточного института в Риме отцу Хуану Матеосу, презентовавшему мне экземпляр опубликованного им в двух томах с комментариями Иерусалимского списка (№ 40) устава Великой Константинопольской церкви и очерк, посвященный истории эволюции литургии (Evolution historique de la Liturgie de saint Jean Chrysostome. Première partie. S. I. et s. a.). Иерусалимский список устава позволил мне обстоятельно осветить стациональное богослужение Константинополя, что было бы трудно, имея под руками только Патмосский список и отдельные эпизоды из Дрезденского. В очерке же «Evolution historique de la Liturgie» я нашел некоторые дополнительные сведения из истории образования триады антифонов.

Также сердечно благодарю профессора того же Института отца Роберта Тафта за присланные мне его труды. Опубликованный им Диатаксис Патриаршей литургии Великой церкви из кодекса Британского музея № 34060 я полагаю в основу обрядовой стороны Трисвятого на архидерейской литургии.

Кодекс Британского музея № 34060 как единица музейного хранения датируется XV веком, однако в него частично вошли манускрипты более раннего времени. В частности, листы 511—547 и 563—579 как по писемому материалу (веленевая бумага), так и по почерку относятся к

XII веку. Используемый мной диатаксис патриаршей литургии Великой церкви изложен на 511--515 листах. Косвенным доказательством столь раннего существования диатаксиса является запись на 515 листе о богословских дискуссиях с лидерами манихеев и павликиан, которые проводились по инициативе императора Алексея I Комнена в 1114 и 1118 годах, и чиновником обращаемых манихеев (л. 517 об.). Таким образом диатаксис можно спокойно назвать синохронным царствованию этого императора (1081--1118). Прототип же диатаксиса, по мнению проф. Тафта, восходит к более раннему времени, «по крайней мере к X веку» (вышеназванный труд, «*Orientalia Christiana periodica*», vol. 45, fasc. 2, Roma, 1979, p. 279—281).

АНТИФОНЫ, МАЛЫЙ ВХОД И ТРИСВЯТОЕ

VI век знаменовал собой начало нового, весьма продолжительного периода в истории христианского богослужения. Особенностью этого периода было появление в богослужении новых обрядов, которые дополняли и углубляли смысл последнего, но вместе с тем до неузнаваемости изменили веками сложившуюся во всей вселенской Церкви структуру предъевхаристического синаксиса. Центральным пунктом в восточной половине Церкви, где происходило это преобразование, был Константинополь, откуда само преобразованное богослужение получило в науке название византийского.

Характерной чертой нового византийского богослужения было углубление богословского содержания его обрядовой стороны. В частности в литургии эта обрядность концентрировалась вокруг входа в храм епископа и момента принесения к престолу приготовленных для евхаристического освящения хлебов и вина. Придание этим двум моментам особой торжественности было логичным и глубокомысленным. Древнехристианский предъевхаристический синаксис имел своей целью слушанием Слова Божия и общей молитвой подготовить верных к достойному причащению Святых Таин. В богословском понимании уже в «Тайноводстве» преподобного Максима Исповедника «первый вход архиерея в святую церковь для совершения священнодействия литургии служит образом и подобием первого пришествия во плоти в этот мир Сына Божия, Христа Спасителя нашего»¹. Итак, древний предъевхаристический синаксис в двадцатых годах VII века становится известным с новым идейным значением. Позднее это значение подчеркивается введением дополнительного «ирислужного моления», то есть литии, которая в богослужебных книгах получила название «Три антифона».

Еще более молитвенной сосредоточенностью должен был сопровождаться момент принесения к престолу евхаристических даров, потому что «входом святых таин,— читаем в том же Тайноводстве,— (означается) совершеннейшее и таинственнейшее новое учение и познание о Божественном по отношению к нам домостроительстве... Святым причащением Пречистых и Животворящих Таин (совершается) то общение и единение с Богом, которое воспримлем через причастие и по которому человек, будучи человеком, удостоивается обожения»². Из соображений наибольшей молитвенной сосредоточенности во время совершения величайшего таинства Евхаристии, молчаливое приношение к престолу хлебов и вина постепенно приобретает характер таинственности и вместе с тем торжественного шествия, превосходящего торжественность входа епископа. В результате развития богословского понимания обряда появляется нарочитое чиновное последование проскомидии.

Много позднее, когда торжественная обстановка того и другого обряда достигла апогея развития (XII—XIII вв.), первый получил в богослужебных книгах наименование «малый вход», а второй — «великий вход»³.

Процесс развития обрядовой стороны византийской литургии нельзя назвать реформой, поскольку с понятием реформы вообще связывается представление о тех или иных изменениях, происходящих в краткие сроки, исчисляемые годами, но не столетиями. В данном случае имела место метаморфоза, источником которой была глубокая религиозность и пажожность греческого народа, его многовековая культура, своеобразная тяга к философии, и, наконец, высокое национальное самосознание.

Византийская империя возникла на базе римской языческой. Та империя, которая до Миланского эдикта 313 года не признавала за христианством законности его существования наряду с другими религиями и на этом основании преследовала христиан, предавая их жестоким пыткам и мучительной смерти, после эдикта, давшего ей свободу вероисповедания, благодаря явному расположению к христианам императора Константина Великого, скоро фактически приобретает значение государственной. Император Константин, активно участвующий в церковной жизни страны, перед кончиной принимает крещение, и с того времени во главе государства стоят монархи-христиане. Вместе с тем по унаследованному от языческой империи порядку вещей император был Понтифекс Максимус, то есть Верховный Первосвященник. Странное сочетание в одном лице монарха-христианина с титулом, а следовательно и с известными правами языческого императора объясняется тем, что сами греки, занимавшие ведущую роль в политической жизни империи и пользовавшиеся как в официальной документации, так и в письменности вообще греческим языком, а не латинским, называли себя не греками, а ромеями, то есть потомками древних римлян. В представлении грека христианский император был «прямым наследником» и продолжателем власти римских императоров, и под небом не было власти, равной власти императора ромеев⁴.

Император Маркиан (450—457) утверждает идею власти императора ромеев установлением коронации (450 г.)⁵. Он принимает корону из рук патриарха Анатолия (449—458). По примеру ветхозаветных израильских царей патриарх помазывает императора святым миром. Тем самым Понтифекс Максимус получает освящение на управление христианским государством. В свою очередь он обязуется заботиться о чистоте веры и нравственности народа. Он же защитник христианского населения империи от иноверцев. Позднее патриарх Фотий (858—867 и вторично 878—886) в своем Номоканоне развивает теорию христианского государства, обосновывает приоритет власти христианского императора и уточняет правовые отношения между царем и патриархом⁶.

Если императоры Константин Великий (324—337) и Феодосий Великий (379—395) предоставляли Церкви материальные средства и правовые льготы, содействовавшие интенсивному распространению христианства в империи, то коронованные императоры проявляют деятельность во всех областях внутренней жизни Церкви. Император Юстиниан издает указ, в котором предает анафеме Нестория и Евтихия, он же составляет верочительный гимн «Единородный Сыне», ему же принадлежит ряд новелл (новых законов), касающихся брачного права, церковной дисциплины и даже чисто литургических вопросов. Так, например, когда в нарушение древней традиции гласного чтения анафоры некоторые епископы и священники стали читать их тайно, Юстиниан издал распоряжение: «Повелеваем, чтобы все епископы и пресвитеры не тайно совершали Божественное приношение и бывающую при святом крещении молитву, но таким голосом, который хорошо бы был слышим верным народом, дабы души слушающих приобщили от того в большее благоволение, богохваление и благословение...»⁷.

Многие императоры писали поучения народу по тому или иному вопросу веры и нравственности⁸. Некоторые сочиняли церковные гим-

ны. Юстиниан, кажется, был первым императором — церковным гимнографом. Позднее Лев Мудрый (886—911) написал одиннадцать свангельских стихир соответственно одиннадцати утренним воскресным свангельским чтениям. Сочинение этих стихир имело целью подготовить народ к слушанию соответствующего утреннего евангелия. Он же написал стихире «Приидите, людие, Трипостасному Божеству поклонимся»⁹. Стихира была предназначена для пения в день Святой Троицы и со стороны содержания представляла суммарное изложение ипостасных свойств Троицного Бога. Ему же принадлежит канон Божией Матери гл. 4-й «Отверзу уста моя»¹⁰. Сын Льва Мудрого император Константин VII Порфирородный (913—959) сочинил экзапостиларии к одиннадцати евангельским стихирам¹¹. Кроме того, он писал духовные беседы, в которых наставлял народ в христианском доброделании (см., напр., беседу о проведении Великого поста, сказанную императором в Мангаврском дворце¹²).

Патриарх Фотий, развивая в Номоканоне теорию приоритета верховной власти христианского монарха, исходил из идеальных представлений об этом союзе. В действительности же гармоничность союза Церкви и империи нередко нарушалась. Далеко не все императоры соответствовали этому идеалу. Напротив, среди них были аморальные личности и даже враждебно настроенные к Церкви, как, например, Константин V (741—775) — ярый иконоборец, ополчившийся на сторонников иконопочитания с кровавыми пытками, за что народ дал ему кличку «Копроним», или Михаил III (842—867), по кличке «Пьяница», распутный человек и кошушник.

Монофизитство, монофелитство, а позднее иконоборчество как церковные смуты, потрясавшие основы государственности, в значительной мере вызывались придворными интригами и сочувствием еретикам самих императоров. Возможно, что одной из причин, побудивших патриарха Фотия к составлению Номоканона, была необходимость ликвидации последствий иконоборчества, поскольку, несмотря на соборное определение, иконоборческая партия была еще очень сильна и не теряла надежды на повое торжество. Только в этом аспекте можно понять, почему патриарх спустя 25 лет после Собора, осудившего иконоборчество, в Великую субботу 867 года в беседе, произнесенной в Великой церкви (соборный храм св. Софии, Премудрости Божией), сказал, что этот храм до настоящего времени оставался без священных изображений, которые были замазаны иконоборцами¹³. Позднее император Константин VII Порфирородный, в прошлом ученик Фотия, вносит в книгу «О царских установлениях», или «Обрядник», обстоятельные указания о тех литургических действиях, которые входят в функцию императора как участника богослужения и таким образом узаконяет за ним особое право на это участие.

Укажем некоторые из них. В Великую субботу император участвовал вместе с двенадцатью старейшими архиереями (архонтами)¹⁴ в обряде омовения святого престола, а по окончании литургии шел в скевофилакию и кадил хранящиеся там святыни и богослужебные сосуды¹⁵. Всякий раз, когда император присутствовал на литургии, войдя на малом входе в алтарь, он целовал престол, полагал на нем свои пожертвования, кадил его крестообразно и правой стороной шел к восточной конхе, где стоял крест и кадил перед ним¹⁶. Затем, выйдя из алтаря святыми вратами на солею, троекратно осенял народ лкирием и трикирием на три стороны¹⁷.

Эпоха царствования Македонской династии (867—1025), четвертым представителем которой на императорском троне был составитель «Обрядника» император Константин VII Порфирородный, была временем расцвета византийской культуры после упадка ее в эпоху иконоборчества. Для эпохи Македонской династии характерным является живой

интерес к письменности, желание сохранить в зашифрованном виде достижения в разных областях культуры, в том числе и в церковной¹⁸. Здесь, в частности, появляются свхологноны и типиконы, которые дополняют сообщаемые Константином VII сведения о богослужении Великой Константинопольской церкви, причем, как правило, более поздние по времени их написания оказываются более полными за счет внесения в них новых молитв и рубрик, отражающих изменения, происходившие в чинопоследованиях.

Но если для эпохи царствования Македонской династии характерно постепенное накопление памятников литургической письменности, то от VI, VII веков и даже до последних десятилетий VIII века, наука не располагает ни одним литургическим памятником, подобным VIII книге Постановлений апостольских или Иерусалимским лекционарам V века, несмотря на то, что в царствование императора Юстиниана в Константинополе жил выдающийся мелод Роман (в церковно-славянских книгах -- преподобный Роман Сладкопевец), оставивший немалое количество талантливо написанных многострофных поэм. Последние частично уцелели и до сих пор украшают наше праздничное богослужение, например, кондак на Рождество Христово «Дева днесь Пресущественнаго раждает», кондак на праздник Крещения Господня «Явился еси днесь вселенней» и многие другие. К этой же эпохе принадлежали основоположники нового гимнографического жанра -- канона: патриарх Иерусалимский Софроний, Андрей, епископ Критский, Иоанн Дамаский, Косма, епископ Мануский, два брата Студиты Феодор и Иосиф, чьи песнопения также сохранились до настоящего времени. От этой же эпохи сохранились труды с толкованием литургии преподобного Максима Исповедника (630-е годы) и патриарха Константинопольского Германа (первая четверть VIII века). Не сохранились только уставные записи.

Отсутствие их можно объяснить медленным формированием новых, богословски обоснованных обрядов и чинопоследований, что в свою очередь было вызвано неустойчивостью церковной политики со стороны императоров в отношении православной части населения Константинополья. Константинопольское правительство императора Юстиниана после подавления бунта на ипподроме в 532 году взяло курс на униональную политику в отношении как православных, так и монофизитов. Ближайшие преемники Юстиниана Юстин II, Тиверий II, Маврикий и Фока держались теории балансирования между православными и монофизитами в зависимости от этнической и религиозной принадлежности большинства населения на той или иной окраине империи. Император Ираклий (610--641) предпринимает в 628 году попытку объединить православных с монофизитами. Попытка оказалась неудачной и вызвала новую ересь -- монофелитство. Второй преемник Ираклия Константин II, видя, что попытка унии между православными и монофизитами не удалась и вызывает новые осложнения в самой церковной политике, спустя десять лет после издания Ираклием его Эфесиса, в 648 году дает новый указ, запрещающий всякие споры о количестве воли и энергий у Христа. Несмотря на указ, споры, однако, продолжались и после смерти Константина, до 680 года, когда третий преемник Константина Константин IV Погонат (668--685) созывает Шестой Вселенский Собор. Последний осуждает монофелитство и его главных вдохновителей -- патриарха Сергия и папу Гонория и восстанавливает православие как государственную религию. Около 45 лет Церковь имела благоприятные условия для вероучительной деятельности.

С возвращением императора Льва Исавра (717--741) наступает эпоха, получившая в истории Церкви название иконоборчества. Корни иконоборчества историки находят в оторвавшихся от Церкви сектантских общинах монотанитов¹⁹ и павликиан²⁰, которые отвергали иконопочитание как идолопоклонство. Оккупировавшие в 639 году Палести-

ну и Сирию арабы-магометане также относились к христианству как к языческому многобожию. Чуждый православно взгляд проник в среду высшего духовенства, и епископ Наколийский Константины (Фригия) в первой половине VIII века объявил себя приверженцем этого взгляда. Новый император, сириец по происхождению и христианин по вероисповеданию, хороший стратег и администратор, но прагматик в политике, чтобы подорвать идейную основу арабской экспансии, решается ликвидировать в стране иконопочитание и самые иконы. В 726 году он издает эдикт, запрещающий иконопочитание. Ему, во всем опирающемуся на грубую физическую силу, выполнение этого эдикта казалось нетрудным делом. В действительности оно оказалось нелегким и в конечном итоге напрасным. То, что он считал пережитком язычества, в действительности было продуктом многовековой духовной культуры греческой нации. Воспитанные на философии неоплатоников и христианских философов Климента Александрийского, Оригена, Григория Богослова, Григория Нисского, учивших в духе наставления апостола Павла о познании невидимого мира через рассмотрение видимого («Невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы» - Рим. 1, 20), греки выработали особый стиль иконописи, характерный выразительностью глаз изображаемых²¹. «Глаза — зеркало души», это аксиома психологии, и грек, молясь перед одухотворенно написанной иконой, переносился мыслью к тому, чьи глаза смотрели на него с этой иконы.

Греческий народ встретил императорский эдикт физическим сопротивлением. Когда солдат пытался снять икону, висевшую над дверями храма в Халкопратии, кто-то из собравшейся толпы опрокинул лестницу. Упавший солдат был убит. Защитники иконы были схвачены и зверски замучены. Гонение усилилось²².

Сын Льва Исавра Константины V Копроним (741—775) продолжал гонение на иконопочитателей с большим упорством, исжели его отец. Конфискация имущества у иконопочитателей и кровавые пытки были бессильны, чтобы сломить веру народа, и император предпринимает в 754 году созыв имперского собора с участием епископата, поддерживавшего его политику. Собор торжественно санкционировал иконоборческую политику императора. Заметим, что ни патриархи, ни папа не признали законными постановления этого собора. Император же после собора усилил преследование иконопочитателей с решительной настойчивостью и жестокостью²³.

Сын Константина Копронима Лев VI (775—780) придерживался законодательства деда и отца в отношении иконопочитателей. Его кратковременное царствование не было кровопролитным. К тому же пограничные войны с арабами завершились победой греков. Затея с ликвидацией иконопочитания не оправдала надежд. После смерти Льва VI престол перешел к его несовершеннолетнему сыну Константину VI. Бразды правления приняла мать Константина Ирина. Несмотря на упорное противодействие партии военных и большей части высшего духовенства, императрица добилась созыва Вселенского Собора, который в Никее в 787 году отменил решения лже-собора 754 года и вменил верующим почитание икон как обязательное²⁴.

В 802 году произошел придворный переворот и с ним прекратилась династия Исавров. Новый император Никифор I (802—811) разумно пользовался правом высшего духовного палатра. Новый патриарх, тоже Никифор, умел направить деятельность императора во благо Церкви. Последнему наследовал зять его Михаил I Рангаве, расположенный к Церкви. Неудачная война с Болгарией вынудила его передать престол генералу, по национальности армянину, Льву V (813—820)²⁵.

Император Лев, искренне благочестивый человек, прислушиваясь к настроению войска и части духовенства, оставил разумную политику

императора Никифора I и открыто выступил как противник икон. В 815 году он созвал новый собор, который восстановил постановления лже-собора 754 года и анафематствовал иконопочитателей. Всё это было сделано исключительно в угоду военным и некоторой части духовенства без тех перспективных соображений, какими руководствовался Лев Исавр, запрещая иконопочитание. При этом император действовал против своих церковных противников с большим терпением и умеренностью.

Пресмык императора Льва Михаила II (820—829) в религиозном отношении был индифферентен. Сохраняя в существенном политику предшественника, он в то же время шел навстречу православным широкой терпимостью²⁶.

Последним гонителем иконопочитателей был сын Михаила II Феофил (829—842). Это был фанатик-иконоборец. Разумная терпимость к православным его отца выродилась в мрачное и жестокое притеснение духовенства. В 832 году он издает новый эдикт, в котором подчеркивает запрещение иконопочитания и пытается лишить святых православной церкви их почетных предикатов. Он сам выступает на диспутах с иконопочитателями и терпит от них поражение из-за своей неподготовленности в области диалектики, он же и казнит их за свое поражение²⁷.

По смерти Феофила правление государством взяла в свои руки вдова императора, так как наследник Михаил III, впоследствии за свою распутную жизнь получивший кличку «Пьяница», был еще несовершеннолетним. Последний император-иконоборец Феофил своими неразумными действиями в отношении иконопочитателей дискредитировал и себя, и самое иконоборчество. Более чем столетняя борьба с иконопочитанием ничего не дала в области противоисламской политики. Она всем надоела, все устали от нее. С введом императрицы ее правительство объявило об отказе от борьбы с религиозными убеждениями, как «своейственной низменным душам». После этого в 843 году состоялся собор, торжественно восстановивший иконопочитание²⁸.

Что же могли делать в условиях напряженности в отношениях между Церковью и государством константинопольцы? Заметим, что иконоборцы, как видно из самого слова «иконоборец», боролись с иконопочитанием и позволяли себе уничтожение икон, но на богослужение не посягали и храмы не закрывались. Это обстоятельство давало возможность православным укреплять свою веру таким же образом, каким укреплял ее Иоанн Златоуст в условиях распространения арианства, о чем писал Сократ Схоластик: «Ариане, как я сказал, делали свои собрания вне города. Для сего в праздничные дни каждой недели, то есть в субботу и воскресенье, когда обыкновенно бывали церковные собрания, они сходились в городских воротах, около портиков, и на двух противоположных сторонах пели гимны, составленные применительно к учению арианскому. Это происходило большей частью ночью... Иоанн, опасаясь, как бы кого-нибудь из простых такими песнями ариане не отторгли от Церкви, противоставил им песнопения собственного народа,—приказал, чтобы исповедники единосуция упражнялись также в пении ночных гимнов... Исповедники единосуция ночные свои песнопения совершали гораздо торжественнее, ибо Иоанн придумал сопровождать их поением серебряных крестов при свете восковых свечей»²⁹.

Борьба с арианством была одной из причин к установлению Златоустом ночных шествий с несением крестов и пением гимнов. Другой причиной ему же послужило бедствие землетрясения, о чем он сам говорит в «Беседе после землетрясения»: «Вы не знаете дня и ночи, но то и другое время обращаете в день, не воздух изменяя, а всенощными бдениями просвещая ночи; у вас ночи без сна, и власть сна прекратилась, так как любовь ко Христу победила слабость естества... Вы отри-

нули неправд, удалили низкие страсти, посадили добродетели, имели силу провести целую ночь в священном бдении... Наступает ночь, и все идут в церковь... Я думал, что после первого и второго дня бессонница изнурит ваши тела, но теперь, чем более продолжается бдение без сна, тем более усиливается ваше усердие»³⁰.

Благочестивый обычай совершения ночных литий, введенных Иоанном Златоустом, не прекратился после его ссылки, потому что ереси существовали и после Златоуста, а землетрясения в Константинополе были многократно. Напомним, что при императоре Юстиниане I, спустя год после бунта на ипподроме, произошло сильное землетрясение. Жители выбежали из своих жилищ и всю ночь провели на форуме, поя Трисвятое с монофизитской приставкой: «распныйся за ны», а с наступлением утра пошли с демонстрацией, требуя, чтобы император разорвал и сжег томос Халкидонского Собора³¹. Проводя униональную церковную политику, Юстиниан не мог запретить шестий и православных, тем более, что защита интересов православной части населения в униональной политике входила в его обязанности. Что касается землетрясений, то в его царствовании их было несколько и об одном из них Роман Сладкопевец упоминает во второй поэме «Десять дев», где описал ужасы разбушевавшейся стихии и призывал сограждан к покаянию³². Более того, есть основание считать, что постройка императором храма Святой Софии Премудрости Божией не могла не повлиять на улучшение организации уличных хождений с крестом или другими святынями. Археологи-византисты видят в величественности здания храма, в сводах его колоссального купола выражение идеи первого христианского государства, которое, по мысли строителя, является земным отражением космоса, сотворенного Премудростью Божией³³. Единство мира небесного и земного в церковной жизни столицы выражалось в богослужении храма Софии Премудрости Божией.

Наука располагает тремя списками устава Великой церкви (так называется храм Софии Премудрости Божией в этих списках). Первый, наиболее ранний, известный как Патмосский № 266, по месту его хранения на острове Патмосе, датируется концом IX века³⁴. Опубликован профессором А. А. Дмитриевским в I томе его «Описания литургических рукописей», с. 1—152. Киев, 1895; второй — Иерусалимский № 40, библиотеки монастыря св. Креста в Иерусалиме, опубликованный профессором Х. Матеосом в 1962 и 1963 годах в двух томах, с комментариями и параллельным переводом на французский язык. Датируется 950—970 годами³⁵. Выписки из этого списка были опубликованы А. А. Дмитриевским в его трудах: «Древнейшие патриаршие типиконы...», Киев, 1907, и в «Описании литургических рукописей», т. III (начало списка), Петроград, 1917. Третий список — Дрезденский по месту его прежнего хранения в Дрезденской королевской библиотеке под № 140. Датируется второй половиной X — первой половиной XI века³⁶. Частично опубликован открывшим его А. А. Дмитриевским в его «Древнейших патриарших типиконах». Все перечисленные списки были составлены на основе неизвестных манускриптов константинопольского происхождения. Во всех трех списках, кроме богослужения субботних, воскресных дней и общецерковных праздников, в которые богослужение совершалось во всех храмах города, существовало еще богослужение, за редкими исключениями начинавшееся в Великой церкви и заканчивавшееся литургией в каком-то другом храме, иногда отдаленном от Великой церкви. Чаще всего это были храмовые праздники. Шествие сопровождалось пением псалмов и тропарей, произношением ектений и чтением молитв. От греч. η λιτη, что значит моление, прошение, молитва (общенародная — вне храма) шествие в списках устава называется литией. На пути шествия могли быть остановки: одна, две и даже три, не считая конечного пункта литии. Отсюда храм, при входе в

который заканчивалась лития, в литургической литературе получил название стационального. При близком расположении стационального храма от Великой церкви остановок на пути могло не быть.

Литию начинали в разное время суток: вечером, ночью, утром — на рассвете, после утрени, в первом или во втором часу дня (временечисление имеется в виду восточное).

Литию совершали в государственные праздники: начало индикта (1 сентября), в день основания Константинополя (11 мая), в дни имевших место в истории Константинополя землетрясений, великих пожаров и избавлений Константинополя от нашествия варваров. В некоторые праздники совершалось две литии — одна с вечера под праздник и другая в самый праздник утром³⁷.

Лития в день основания Константинополя имела одну остановку. По Иерусалимскому списку «около часа дня» приходил в храм патриарх. Он шел боковой дверью в алтарь и здесь читал молитву Трисвятого. Архонты и певцы на амвоне пели тропарь «Город Богородицы благочестно уверяет Богородице свой покой, ибо Ею он утверждён и доселе существует, Ею спасается и одолевает, взывая Ей: Радуйся, надежда всех концов земли». С пеннем тропаря лития направлялась на Форум Константина. Здесь читалась молитва и за ней следовали три антифона. Антифон первый из псалма 45-го «Бог нам прибежище и сила», с припевом: «Молитвами Богородицы...». Второй — из 46-го псалма: «Всё языцы восплените руками...», с припевом «Аллилуиа», двойное, вечернее. Третий из 47-го псалма: «Великий Господь и хвалён zelo...», с тропарем 4-го гласа: «Божественно и истинно Богородице...». Патриарх читал обычные молитвы и преподавал мнр. Далее прокимен, апостол, аллилуиарий и евангелие. Днакоп произносил великую ектению и архонты и певцы пели тропарь, глас 4-й: «Город Твой, Господи, яко око вселенной от всякого праведного Твоего прещення свободи и украси его всячески скипетрами царства, подая ему Богородицею варваров изложение и бед отгнание». Певцы, возвращаясь в церковь, доξολογια = славословят. Этот термин встречается во всех списках устава и указывает на завершение части литии, а в данном случае всей литии, пеннем малого славословия («Слава и ныне»), за которым еще раз повторяли тропарь. Этим лития заканчивалась. Придя в храм, начинали литургию пеннем Трисвятого³⁸.

Лития с двумя остановками была описана выше по Патмосскому и Иерусалимскому спискам в связи с вопросом о дате великого землетрясения, происшедшего в царствование императора Феодосия Младшего. Лития начиналась, как и вышензложенная, утром, когда патриарх приходил в храм. Пройдя боковой дверью в алтарь, он читал молитву Трисвятого, после чего певцы пели тропарь, посвященный воспоминанию события великого землетрясения. С пеннем его приходили на Форум, «славословили» с тем же тропарем, днакоп произносил великую ектению и вновь пели тот же тропарь, направляясь на поле Екзакнон, где во время землетрясения укрывались жители города. Здесь вторично «славословили» и шли в храм Пресвятой Богородицы близ Еленианов (Еленинский дворец). Войдя в храм, тотчас пели Трисвятое и прочеи последование литургии³⁹.

В данном случае при наличии двух остановок шествие ограничивалось пеннем тропаря. По Иерусалимскому списку пели один антифон до молитвы Трисвятого, в Патмосском же вообще нет упоминания о пении антифонов.

Пример литии с тремя остановками представляет шествие 7 октября. В этот день совершалась память мучеников Сергия и Вакха и воспоминание великого землетрясения, бывшего в царствование Юстиниана в 525 году. После утрени в Великой церкви патриарх направлялся с процессией в церковь святого Воскресения, что в портиках Домнина.

Здесь пели три антифона. Первый из 119-го псалма: «Всегда скорбети ми, ко Господу възвах...», с припевами: «Помилуй мя, Господи Человеколюбче» и «Спаси нас, Христе Боже наш». Второй — из 120-го псалма: «Возведох очи мои в горы...», с припевом: «Молитвами Богородицы...». Третий из 121-го: «Возвеселихся о реках моих...», с припевом «Аллилуиа» простое. После третьего антифона читалась молитва Трисвятого и певцы начинали петь на амвоне литийный тропарь 6-го гласа: «Помилуй нас, Господи, помилуй нас...». Процессия направлялась на Форум, певцы «славословили», диакон произносил великую ектению, а архонты и певцы пели тропарь 5-го гласа: «Чудеса святых Твоих мучеников...». Придя в церковь святого Сергия, что в Новом дворе, «славословили» с этим тропарем. Тотчас Трисвятое⁴⁰.

В Дрезденском списке излагается лития, совершаемая в четверг после Недели всех святых. Шествие начиналось около девятого часа ночи из Великой церкви. Стациональным храмом, где должна была быть литургия, являлась церковь Богородицы в монастыре «Древняя Петра». Шествие начиналось в конце утрени пением покаянного тропаря: «Помилуй нас, Господи...». Пение тропаря продолжалось до Форума. Здесь совершалось «обычное последование», то есть чтение молитв и пение антифона. С пением тропаря: «К Богородице прилежно...» направляясь к храму в квартале Кира, затем, пройдя мимо этого храма с пением тропаря: «Мати Божия, Пречистая...», шли к храму святой Анны, что в Девтороне. При входе в храм пели тропарь «Стена непобедимая...» и «славословили». Произносилась обычная ектения. При выходе из храма снова пели этот тропарь и с ним «славословили», и произносилась великая ектения. Идучи далее до храма в квартале Гераннев, пели тропарь: «Тя стену нерушимую...», потом до Фермополиса — тропарь «О Тебе радуется, обрадованная...», затем до Херсапа — «Взбранной воеводе...», потом до квартала Ставриосов тропарь Господу: «Благоутробне и долготерпеливе...» и «Предстательство христиан...» Затем «славословили», диакон произносил великую ектению и снова пели тропарь: «Непоколебимое основание...» до самого храма в «Древней Петре». Здесь, немного отдохнув, начинали литургию⁴¹.

Итак, лития из Великой церкви в храм Богородицы в «Древней Петре» имела на пути три остановки, не считая стационального храма: на Форуме, в храме святой Анны, что в Девтороне, и в квартале Ставриосов. Это первая особенность литии. Вторую особенность составляло пение многочисленных тропарей, из которых только два были обращены к Господу, семь же — к Богородице. Первый из Господних «Помилуй нас, Господи...» пели на многих литиях. В частности, он назван литийным тропарем (της λιτης το τροπαριον) в упомянутой выше литии в день мучеников Сергия и Вакха. Тропарь же «Благоутробне и долготерпеливе...» можно назвать в данной литии нарочитым. Шествие двигалось к кварталу Ставриосов. Прилагательное *στωριος* от существительного *ο στωρος* = крест, в родительном падеже множественного числа соответствует русскому — крестовых. Возможно, что в квартале, к которому подходила лития, были евктирионы, то есть малые церкви или небольшие личные молельни, которые отличались от немолитвенных зданий крестом, водруженным над кровлей или над входом. (В Русской Церкви до сих пор домовые церкви при жилищах архиереев называются крестовыми.) Ассоциация названия места, по которому проходила лития, со словом крест естественно побуждала к пению тропаря: «Благоутробне и долготерпеливе...» Обратим внимание на то, что вторая остановка происходила не у церкви Богородицы в Кировых, а в церкви святой Анны. В Иерусалимском списке под 9 октября читаем: «Того же месяца 9-го числа память святых Анны и Елизаветы и их встречи. Совершается же синаксис их в возвышенном доме (имеется в виду храм. — П. У.) всесвятой, Пречистой Владычицы нашей Богородицы в Киро-

вых»⁴². Кировы — гористая окраина Константинополя в северо-западной части города, заселенная и внесенная в черту города защитной стеной в царствование императора Феодосия Младшего епархом Киром. Отсюда ее название «Кировы». Указание устава о совершении синакисса в «возвышенном доме» (εν τῷ ἑξαιερω οίκῳ) Пресвятой Богородицы в Кировых совпадает с топографией и названием данной части города и имеет в виду уточнить место синакисса, поскольку в Кировых была одна церковь Богородицы. Расхождение остается в названии праздника. В уставе указана «память святых Анны и Елизаветы и их встречи», евангелист же Лука говорит о встрече праведной Елизаветы с Пресвятой Девой Марией, а не с Анной (Лк. 1, 39—56). Это очевидная опечатка переписчика Иерусалимского списка.

Перечисление кварталов и церквей в Дрезденском списке указывает на константинопольское происхождение этой литии. В Патмосском списке эта лития вовсе не упоминается. В Иерусалимском синакиссе в честь Пресвятой Богородицы указан в среду после Недели всех святых, и место совершения его в Древней Петре. Указано также время сбора участников литии в Великой церкви около девятого часа ночи, шествие на Форум, где совершались общие молитвы, но не упомянуто ни об одной церкви на пути шествия литии⁴³. Очевидно, в Иерусалимском списке указание на константинопольские городские кварталы и храмы было бы нереалистичным. По той же причине в Патмосском списке вообще нет упоминания об этой литии.

Чем было вызвано совершение этой необычной литии в Константинополе, ответ на этот вопрос следует искать в церковной действительности «Второго Рима».

В христианском государстве и церковная власть и государственная были взаимно заинтересованы в сохранении единства веры, хотя вероучительные основы этого единства могли быть понимаемы различно, как и цели последнего. Поэтому и богословы и политики были вовлечены в борьбу с ересями. Церковная власть боролась с ними во имя сохранения чистоты принятого от святоотеческой эпохи Православия, государственная — во имя сохранения единства империи, так как ересь особенно успешно распространилась на окраинах империи, где они служили поддержкой для сепаратистских стремлений национальностей этих окраин и тем самым создавали угрозу целостности империи. Поэтому в столице империи не только богословы и политики, но и народ зорко следил за течением церковно-политической жизни страны, так как каждому греку было понятно, что отпадение окраин государства вызовет опасность для существования самого Константинополя, а с ним и империи, не говоря уже о том, что окраины служили матерьяльной базой для столицы.

Поэтому не случайно из семи Вселенских Соборов три (Второй, Пятый и Шестой) заседали в самом Константинополе и три — в ближайших к столице городах (Первый и Седьмой — в Никее, а Четвертый — в Халкидоне). Общецерковное значение Вселенских Соборов подтверждалось установлением в память их ежегодных празднеств. Празднество Первого Собора было отнесено на последнее воскресенье перед праздником Пятидесятницы («Неделя святых отец иже в Никее») ⁴⁴, память Второго — на 3 августа ⁴⁵. Память Четвертого — на 16 июля ⁴⁶. Память Пятого — на первое воскресенье после воспоминания Четвертого Собора ⁴⁷. Память Шестого — на 15 сентября ⁴⁸ и Седьмого — на 11 октября ⁴⁹.

Отсутствует в Патмосском списке только празднество в честь Третьего Вселенского Собора. Профессор Н. Ф. Красносельцев по этому поводу пишет: «Только Третий Вселенский Собор заседал в городе, более отдаленном от столицы, в Ефесе, может быть потому, что предмет его рассуждений был слишком близок населению Константинополя: это

было достоинство Богородицы — патронессы города. Но за то константинопольцы, по-видимому, и не считали его своим»⁵⁰.

Давнишние расхождения между александрийской и антиохийской богословскими школами в методе толкования Священного Писания и споры между александрийскими и антиохийскими епископами, носившие характер защиты местных интересов, не позволили Ефесскому Собору прийти к единому мнению. Более того, они вызвали созыв в 449 году нового собора в самом Константинополе, получившего в истории название «разбойничьего».

При такой неблагоприятной ситуации константинопольцам трудно было признать Ефесский Собор Вселенским. Упоминание на совершенно памяти этого Собора появляется только в Иерусалимском списке под 9-м сентября: «В сей день святых отцов, собравшихся в Ефесе на Соборе и осудивших нечестие Нестория»⁵¹. Созванный в 551 году в Халкидоне Четвертый Вселенский Собор подтвердил православное учение о двух природах — Божественной и человеческой, соединенных неслитно, нераздельно, неизменно и неразлучно в единой личности Богочеловека, и утвердил почитание Пресвятой Девы Марии как Богородицы. Но в то же время в самом Константинополе распространяется новая ересь. Некто игумен Евтихий стал учить, что «Родившийся от Марии Девы есть совершенный Бог и совершенный человек, не имеющий плоти, единосущной нам». Если ересь Нестория можно определить как отклонение от православного учения влево, то ересь Евтихия была отклонением вправо. Евтихий был осужден на Константинопольском Соборе в 448 году, но его учение вскоре вызвало монофизитство — ересь, исключавшую участие человеческой природы Господа Иисуса Христа в деле нашего спасения.

Верность Православию константинопольцы исповедовали в молитвах к Богородице и в прославлении Ее святости. Поэтому данную литию можно рассматривать как позитивную реакцию православного населения города на заблужденные еретиков. Не случайно это чинопоследование оказывается насыщенным тропарями с молитвенным и хвалебным обращением к Богородице. В свете сказанного логичным является и посещение участницами литии церкви святой Анны.

Евтихий не отрицал зачатия Господа Иисуса Христа по действию Духа Святого. В этом он следовал повествованию евангелиста Луки о явлении Пресвятой Деве Марии архангела Гавриила, но по его учению тело родившегося Христа не было единосущным человеческому. Евангелист же Лука говорит, что «когда Елизавета услышала приветствие Марии (которая была ее родственницей, Лк. 1, 36), взыграл младенец во чреве ее, Елизавета исполнилась Святого Духа и воскликнула громким голосом, и сказала: благословенна Ты между жешами, и благословен Плод чрева Твоего! И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне» (Лк. 1, 41—43). Так чтением в церкви праведной Анны евангельского повествования о рождении Господа отличалась ересь Евтихия.

Есть богословская закономерность в самом совершении этой литии в четверг (по Дрезденскому списку) и в среду (по Иерусалимскому) после Недели всех святых. Поскольку Пятидесятница завершает круг праздников, раскрывающих спасительное значение пришествия на землю Сына Божия, в Неделю же всех святых Вселенная приносит Богу «яко начатки естества... богоносная мученики», логичным было, завершая таинственное приношение Церкви, прославить Пресвятую Богородицу как «Ходатайствующую спасение рода нашего».

В тех случаях, когда стациональный храм находился неподалеку от Великой церкви, лития ограничивалась пением тропарей, пения же антифонов, чтения их молитв и провознесения ектении не было. Так, 29 июня в праздник апостолов Петра и Павла стациональной являлась

церковь апостола Петра, расположенная близ Великой церкви. Относительно литии в том же Иерусалимском списке сказано: «Во втором же часу (утра.— *Н. У.*) исходит лития из церкви с пением того же тропаря (имеется в виду тропарь «Апостолов первопрестольницы...», который был положен на вечерне, на панихиде и на утрени) во святом же Петре (храм апостола Петра.— *Н. У.*) певцы «славословят» с тропарем: «Какая темница не имела тебя узником, какая церковь не имеет тебя учителем? Дамаск возвышается тобой, Павле; Рим принял твою кровь и этим хвалится; но более радуется и ликует Тарс, почитая твои пеленки (*τα σλαρούαμα*); Петре, камень веры, Павле, похвала вселенной, выйдя вместе из Рима, укрепите нас». И прочее Трисвятое⁵².

Заметим, что упомянутые в тропаре апостолам пеленки Павла — это одна из многочисленных священных реликвий Константинополя, или, как называли их греки, «символов» (см. Обрядник Константина Порфирородного, т. I, гл. I, с. 16). По-видимому, эти священные реликвии появились после Седьмого Вселенского Собора как реакция православного населения столицы на гонение императоров-иконоборцев.

Основанием к их появлению служил «Догмат трехсот шестидесяти семи святых отец Седмаго Вселенского Собора Никейского, о иконопочитании». Согласно «Догмата» допускалось почитание изображения, согласующееся с «повествованием евангельской проповеди... служащее нам к уверению истинного, а не воображаемого воплощения Бога Слова, и к общей пользе». Общую пользу иконопочитания Собор видел в том, когда позднейшие указания соответствуют и таким образом подтверждают предыдущие. («Яже бо едино другим указуются, несомненно едино другим уясняются»). Собор установил почитание изображений не только Господа Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы, но и бесплотных ангелов и всех святых и праведных. Кроме икон в собственном смысле этого слова, Собор допустил такие изображения на священных сосудах и одеждах, на стенах и на досках, в домах и при дорогах. Самое иконопочитание Собор указал выражать целованием и почтительным поклонением «по тому образу, якое изображению честнаго и животворящаго креста и святому евангелию и прочим святыням, фи-миамом и поставлением свещей честь воздается».

Странное на первый взгляд появление священной реликвии в виде пеленок апостола Павла имело глубокий смысл. В духе догмата Седьмого Вселенского Собора оно было обоснованным тем, что сам Апостол о себе говорил: «Я иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге, как и все вы ныне» (Деян. 22, 3). Скованный цепями Апостол этими словами начал свою речь к иудеям, в которой говорил о чудесном его обращении из гонителя христиан в апостола (Деян. 22, 4—21).

Кроме апостола Павла, о Гамалииле упоминает Деяписатель (Деян. 5, 34) как о мудром законоучителе, который, будучи членом синедриона, выступил в защиту апостолов. Итак, с реликвией пеленок апостола Павла связаны два имени, «повествованию евангельския проповеди согласующии»: апостол Павел, который сам о себе говорил, что он «даже до смерти гнал последователей сего учения, связывая и предавая в темницу и мужчин и женщин» (Деян. 22, 4), и его учитель Гамалиил, который, увещевая членов синедриона не преследовать апостолов, говорил: «если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (Деян. 5, 38—39). Кровавое гонение на иконопочитателей по ассоциации вызывало воспоминание о гонении в Иерусалиме на апостолов, а мудрые слова Гамалиила не преследовать апостолов, чтобы не оказаться богопротивниками, воспринимались как пророческие в отношении иконоборцев.

Как известно, между Седьмым Вселенским Собором и Собором Константинопольским 842 года, на котором было окончательно осуждено иконоборчество и который потому вошел в историю под названием «Торжество Православия», было еще два кровопролитных гонения на иконопочитателей. Первое при имп. Льве Армянине (812—820), который в 815 году созвал новый собор, восстановивший постановления иконоборческого собора 754 года и анафематствовавший иконопочитатели. Второе, не менее ужасное, происходило при имп. Феофиле (829—842). Интересующий нас тропарь первоверховным апостолам мог появиться, как и сами священные реликвии, в одно из последних гонений.

Со стороны содержания тропарь представляет прославление апостола Павла не только как узника за имя Христово и общецерковного учителя, принявшего святое крещение в Дамаске и мученическую кончину в Риме, но еще более как избранника Божия от рождения, что засвидетельствовал Сам Господь в видении святому Анании, повелевая ему идти крестить ослепшего Савла: «Иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми» (Деян. 9, 15). Это промыслительное действие Божие о будущем апостоле составитель тропаря и выразил словами «но более радуется и ликует Тарс, почитая его пленки». Прославление заканчивается обращением к обоим первоверховным апостолам прийти на помощь гонимым христианам. «Петре, камень веры, и Павле, похвала вселенной, выйдя вместе из Рима, укрепите нас».

Литературная форма тропаря не обычная для этого жанра гимнографии. Это скорее вдохновенное обращение проповедника, в котором он на примере апостолов, скончавшихся мученически, призывал слушателей к мужественному перенесению гонения и на явно видимом Промысле Божиим в судьбе гонителя Савла укреплял веру в конечную победу Православия.

Автор тропаря остался неизвестным, но вдохновение, с каким был написан и произносим этот тропарь, сделало его бессмертным. Он дошел до нашего времени в службе первоверховным апостолам Петру и Павлу (29 июня), где его можно найти после третьей песни канона с надписанием «Ипакон, глас 8-й». И хотя славянский перевод его значительно уступает ясному греческому тексту оригинала в рукописи середины X века, однако и в таком виде он остается свидетельством пережитой Церковью мрачной эпохи иконоборчества и предметом благочестивой любознательности.

День апостолов Петра и Павла был храмовым праздником и в церкви этих апостолов, что в Орфанотрофоне (Сиротский дом). Туда совершали литию накануне праздника вечером. Об этой литии в том же списке устава сказано: «Вечером накануне приносится крест из Орфанотрофона (и по отпущении вечерни в Великой церкви, когда придет патриарх), полагается молитва и исходит лития из (церкви — *Н. У.*) святого Петра с патриархом (и архонты и певцы тропарь: Слава Тебе, Христе Боже, апостолов похвало...) и поются тропари, имеющие быть написанными. Патриарх же, проводив литию до фиала Великой церкви, возвращается в (храм.— *Н. У.*) святого Петра. Лития же шествует в Орфанотрофон с крестом, принесенным оттуда, совершают же литию епарх и орфанотроф и все государственные и народные чины».

В основу изложения этой литии автор положил запись из Иерусалимского списка⁵³, незначительные же дополнения, поставленные в скобки, внесены из Дрезденской рукописи⁵⁴. По Иерусалимскому списку «поются тропари, имеющие быть написанными», по Дрезденскому же тропарь: «Слава Тебе, Христе Боже, апостолов похвало...» Возможно, что пели и тропарь апостолам и тропари, которые составлялись нарочито для этой литии. Особенностью литии было то, что патриарх

полагал начало литии чтением молитвы и сопровождал литию до фиала Великой церкви, возглавляли же литию миряне: епарх города, орфанотроф и все чины государственных и народных учреждений.

Активное участие мирян в богослужении до возглавления литии включительно объясняется широкими правомочиями народа в церковной жизни Византии. Православный грек, будет ли то мужчина или женщина, вне зависимости от его социального положения мог построить на принадлежащей ему земле евктирион, храм и даже монастырь. Строитель монастыря имел право дать последнему особый ктиторский устав, определяющий уклад жизни монашествующих, распорядок богослужений. Более того, ктитор имел право внести в этот устав коррективы. Это один фактор. Другой заключался в широкой благотворительности Константинопольской церкви. В Константинополе были разного рода богоугодные заведения: больницы, орфанотрофии (сиротские дома), ксенодохии (странноприимные дома). Они содержались за счет церковной казны и находились в непосредственном ведении патриарха⁵⁵.

В Дрезденском списке излагаются богослужения, совершаемые самим патриархом в таких богоугодных заведениях, например 24 июня, в день рождения Иоанна Предтечи, в больнице Еввула⁵⁶, 27 июня в странноприимном доме, построенном самим преподобным Сампсоном Странноприимцем⁵⁷. В орфанотрофиях содержались дети-сироты. Здесь их растили и давали им первоначальное образование; если не было известно, был ли ребенок крещен или нет, его готовили к крещению. Крещенных и музыкально одаренных подготавливали как будущих церковных певцов. В том же Дрезденском списке дети-певчие из сиротских домов принимают участие в обряде оглашения готовящихся к святому крещению в Великую субботу, совершаемому самим патриархом. «Певцы из сиротских домов восходят на амвон и начинают петь псалом: Господи, кто обитает в жилищи Твоем. Аколуфы (привратники) готовят оглашаемых детей и приводят их в церковь. Дается знак певцам вторично и они «славословят» и сходят с амвона»⁵⁸.

В Иерусалимском списке дети-певчие из сиротского дома 18 декабря участвуют в литии в день обновления храма Пресвятой Богородицы в Халкопратии. Им поручается в торжественный момент обряда, когда лития войдет в нарфикс (внутренний притвор храма) и стоит в ожидании открытия дверей храма, петь: «Возьмите, врата, князи ваша». Этот момент отмечен в уставе: «И входит (лития.— *Н. У.*) в притвор. И по исполнении тропаря приотские архонты — Возьмите врата... и открывается церковь и архонты и певцы славословят»⁵⁹. То же в Патмосском списке 23 декабря в день Обновления Великой церкви⁶⁰.

В свете указанных факторов становится понятным на первый взгляд странное сообщение устава Великой церкви о возглавлении литии епархом и орфанотрофом с участием чинов государственных и народных учреждений без клира. Закономерность такой литии с точки зрения церковного устава подтверждается указанием в Иерусалимском списке на то, что во время литии «поются тропари, имеющие быть написанными». Это надо понимать в том смысле, что возглавление мирянами литии не означало их права на выбор тропарей из принятых Церковью и тем более на составление новых. Для каждой такой литии ее совершители получали тексты, какие давал патриарх.

Заметим, что литию, совершаемую ночью епархом города, видел посетивший Константинополь в последние годы XII или в первые XIII века архиепископ Новгородский Антоний. В своем «Путешествии в Царьград» он оставил заметку: «А оттоле святой Стефан Новый в монастыри лежит; и на память его главу приносят к погребу, идеже седел ввержен; главу же его носит епарх чрез всю ночь со множеством людей со свещами, зовуще: Кирилесу»⁶¹.

В данном случае носимой святыней являлся не крест, а голова преподобного Стефана Нового. Преподобный Стефан был уроженцем Константинополя, подвизался в пещере преподобного Авксентия в Вифинии, мученически скончался в Константинополе за иконопочитание в царствование Константина Копронима⁶². Почитание его как мученика могло быть установлено вскоре после Собора 843 года, известного в истории как событие Торжества Православия. В эти годы в сознании православного населения Константинополя особенно оживилось почитание мужественных защитников иконопочитания, мучеников и исповедников. В 845 году в Константинополь были принесены мощи преподобного Феодора Студита и брата его епископа солунского Иосифа, скончавшихся в изгнании⁶³. В 846 году были принесены мощи Никифора, патриарха Константинопольского, скончавшегося в заточении 2 июня 829 года⁶⁴. В Константинополе же был погребен патриарх Герман. После издания эдикта, запрещающего иконопочитание (726 г.), и кровавой расправы с иконопочитателями (727 г.) патриарх пытался удержать Льва Исавра от иконоборчества и, не достигнув желаемого, 22 января 730 года сложил в себя патриаршество вместе с омофором, за что был изгнан из патриаршего дома посланными императором солдатами⁶⁵. В Константинополе в монастыре святого Дия лежала голова и мощи мученика Димитрия, осмелившегося низвергнуть с лестницы воина, который по приказу Льва Исавра пытался снять образ Спасителя, висевший над воротами храма в Халкопратии⁶⁶. О нем архиепископ Антоний пишет: «А толе святой Димитрий лежит в теле белец»⁶⁷, то есть мирянин. В Константинополе же в женском монастыре лежали мощи мученицы девицы Феодосии, вместе с другими женщинами и вышеназванным Димитрием препятствовавшей воину снять образ Спасителя и принявшей мученическую кончину. Об этой мученице архиепископ Антоний пишет: «Святая Феодосия в женском монастыри в теле лежит во серебряне гробе, и на перенос выносят ю⁶⁸, и на человеки поставляют и большим исцеления от нея бывают».

В свете сказанного о возрождении духовной жизни православного населения Константинополя: принесение мощей мучеников и исповедников, строительство в их честь храмов и даже монастырей, краткое сообщение архиепископа Новгородского Антония о целонощной литии с несением головы мученика Стефана Нового, следует понимать как частную заметку паломника о том, что он мог случайно наблюдать, но не как информацию об исключительном явлении. Такие литии могли иметь место и закрепиться как обычай в связи с принесением в Константинополь мощей мучеников и исповедников, и в прославлении погребенных в Константинополе мучеников Димитрия, Феодосии и иных, не только преподобного Стефана. Совершение этих литий епархом города с участием множества народа, разумеется, санкционировалось патриархом.

Знаменательным является тот факт, что архиепископ Антоний видел в Константинополе литию, возглавляемую епархом в последние годы перед оккупацией Константинополя крестоносцами, когда лития с тремя антифонами уже получила значение интегральной части литургии. Это еще раз подтверждает самобытность происхождения литии, как внехрамового богослужения.

От обзора литий перейдем к истории службы трех антифонов. Многократные указания в Иерусалимском списке на то, что по входе литии в стациональный храм антифоны уже не поются, но следует непосредственно пение Трисвятого (*Ἀντιφωνα δὲ οὐ γίνονται, ἀλλ' εὐθὺς τὸ Τρισάγιον*), а также общее указание в том же списке устава о совершении службы трех антифонов в субботние и воскресные дни и в общецерковные праздники в самом храме Великой церкви⁶⁹ дают основание рассматривать эту службу в X веке как интегральную часть литургии.

Когда и при каких обстоятельствах возникла служба трех антифонов, которой еще не знал автор «Тайноводства», и какова была идейная связь ее с обрядом входа епископа, литургическое оформление которого было связано с именем Василия Великого? Чтобы осветить эти вопросы при полном отсутствии уставнолитургических записей от VI—VII столетий и даже до последних десятилетий VIII века литургисту-историку приходится подобно реставратору-зодчему, восстанавливающему разрушенный памятник при помощи уцелевших осколков и обломков, пользоваться не только историческим, но и археологическим методом исследования, разыскивать детали одного и того же предмета в памятниках разного времени и места происхождения и на основе этих находок восстанавливать византийскую литургию.

В основу службы трех антифонов был положен гимн «Единородный Сыне», о происхождении и догматическом значении которого было сказано ранее⁷⁰. В памятнике VII века «Иерусалимском канонаре» мы видим его в Иерусалимском патриаршем богослужении, где им начинается литургия в первый день Пасхи, как первое песнопение этого дня⁷¹. В этом был глубокий богословский смысл, поскольку Единородный Сын и Слово Божие вочеловечился близ Иерусалима, и в Иерусалиме же Он был распят и смертью смерть поправ, то есть воскрес из мертвых. Еще папа Лев I Великий (440—461) после Халкидонского Собора в 454 году обращался с нарочитым посланием к патриарху Иерусалимскому Ювеналию. Он советовал патриарху собирать и записать всё, что касается мест, связанных с земной жизнью Господа, в обличиие монофизитов⁷². Вполне возможно, что этот гимн стал известен в Иерусалиме вскоре после его появления в Константинополе и его приняли армяне, сирийцы, совершители литургий апостола Иакова и Евангелиста Марка⁷³ в ту пору, когда еще не было обычая полагать евангелие на престоле, и оно хранилось, как и прочие священные книги в пасторфории — отдельном помещении, предназначенном для хранения богослужебных книг и не имеющем непосредственного входа в алтарь. Когда наступало время чтения священных книг, диаконы приходили сюда за ними и сюда же относили их по прочтении. Процессию несения евангелия в алтарь сопровождали пением гимна «Единородный Сыне». Эта общехристианская традиция когда-то имела место и в Константинополе, потому что в толковании литургии патриарха Германа (редакция VIII—X вв.) малый вход еще назван входом с евангелием: *Εἰσόδος τοῦ εὐαγγελίου* (Ркп. б. Синод. библ. XVI в., греч. № 327) и *Въхоженьє евнгельское* (Ркп. той же библ. XII в. № 163)⁷⁴.

Жан Батист Тибо приводит среди памятников экфонетической и сургутской нотации Греческой Церкви запись гимна «Единородный Сыне» в исполнении domestika и народа. Domestik поет постижно гимн, а народ на каждый стих отвечает припевом «Един Сый Святыя Троицы»⁷⁵. Это простейший вид освоения псалмодии, существовавший у ветхозаветных евреев в эпоху первых царей. Памятником этой школы канторов является 135-й псалом: «Исповедайтесь Господеви, яко благ, яко в век милость Его», последняя фраза которого «Яко в век милость Его» повторяется в конце каждого стиха псалма. Это был хороший метод заучивания священных текстов, и им воспользовался неизвестный domestik, чтобы народ знал наизусть этот гимн. Факт существования такой записи подтверждает значимость гимна «Единородный Сыне» в православном богослужении в послеевстипиановскую эпоху.

От краткой информации о значении гимна «Единородный Сыне» перейдем к рассмотрению источников, так или иначе относящихся к истории службы трех антифонов. Это прежде всего молитвы трех антифонов, которые имеются в современном чине литургии как Иоанна Златоуста, так и Василия Великого. Впервые они встречаются в свхологионе Ватиканской библ. под № 336/77, известном в науке пол

названием Барбериновского, по имени прежнего ее владельца кардинала Барберини. Рукопись датируют концом VIII — началом IX века. Ж. Квастен относит ее написание на 785 год⁷⁶.

Текст литургии Василия Великого в этом манускрипте имеет надписание: «Литургия святого Василия». Затем следует молитва с надписью: «Молитва, которую читает нерей в скевофилакии о хлебе, положенном на дискосе: «Боже, Боже наш, небесный хлеб...» Молитва заканчивается возгласом: «Яко освятися и прославися всечестное и великолепое имя Твое, Отца...» Далее следуют молитвы трех антифонов. Перед каждой из них надпись: «Молитва антифона (такого-то)», а перед возгласом одно слово «Возглас». Эти молитвы в современном служебнике и архиерейском чиновнике даны в литургиях как Иоанна Златоуста, так и Василия Великого с тем же надписанием и с теми же возгласами, поэтому нет надобности их здесь приводить.

Молитвы отличаются одна от другой со стороны их структуры. Структуру первой молитвы можно назвать классической, как соответствующую молитвам эпохи Василия Великого и Иоанна Златоуста, когда начало молитв представляло восхваление величия Божия, затем следовали прошения и в конце славословие. Молитва второго антифона представляет ряд прошений, тождественных прошениям заамвонной молитвы святого Василия. Но у Василия Великого дедукция мысли плавно переходит от прошений к славословию: «Яко всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Тебе, Отца светов: и Тебе славу и благодарение и поклонение возсылаем...» В молитве же, опубликованной Гоаром, свойственная Василию Великому дедукция мысли отсутствует. После ряда прошений непосредственно следует возглас: «Яко Твоя держава, и Твое есть царство и сила и слава...» Подобная неувязка наблюдается и в молитве третьего антифона. Слова молитвы: «Иже и двема или трем, согласующимся о имени Твоем, прошения подати обещавай» указывают на обращение к Господу Иисусу Христу (Мф. 18, 19—20), возглас же обращен ко всем лицам Святой Троицы.

В итоге литературного анализа упомянутых молитв профессор Папского Восточного института в Риме Х. Матеос пришел к выводу, что «эта триада молитв когда-то имела совершенно иное значение. К тому же простота позволяет нам причислить их к эпохе наместо предшествовавшей VII—VIII столетиям, то есть ко времени, предшествовавшему появлению антифонов в литургии»⁷⁷.

Проф. Матеос видит в этих молитвах соответствующие тем, которые согласно 19-му правилу Лаодикийского Собора читались в конце предъевхаристического синаксиса по отпущении оглашаемых и кающихся, как гласит это правило: «Тогда совершати молитвы верных три: едину, то есть первую, в молчании, вторую же и третью с возглашением исполняти». Он склонен видеть в этих молитвах древние молитвы Василия Великого: «Эти три молитвы, — пишет он, — которые сначала появляются в литургии святого Василия Великого, являются древними молитвами верных этой литургии и молитвой благословения, которой когда-то заканчивался предъевхаристический синаксис»⁷⁸. Исходя из этого предположения, он считает, что первоначально первое место в синаксисе занимала современная третья молитва и что она ввиду своего древнего назначения, раскрывающегося в продолжение текста, не имела славословия. Второе место занимала современная первая молитва и третья — современная вторая.

Нельзя не согласиться с тем расположением молитв, которое предлагает проф. Матеос как первоначальное, а равно и с указанием его на отсутствие в них связи с пением антифонов. Начало молитвы «Иже общия сия и согласныя молитвы...» греч. Ὁ τὰς κοινὰς ταύτας καὶ συμφωνοῦς προσεῦχας = Ты, даровавший нам общие молитвы (объединенные в один голос), указывает не на антифонное пение, а на общую

молитву, читаемую всей общиной. То же можно сказать и о молитве: «Господи Боже наш, Его же держава несказанна...», ее слова «и сотвори с нами и молящимся с нами» (греч. *μεθ' ἡμῶν καὶ τῶν σὺνευχόμενων ἡμῶν*) указывают на участие в общих молитвах клира и народа и только. Они могли быть произносимы в предъевхаристическом синаксисе самим Василием Великим. Но этого нельзя сказать в отношении молитвы: «Господи, Боже наш, спаси люди Твоя...» При сопоставлении ее с заамвонной молитвой Василия Великого: «Благословляяй благословлящая Тя, Господи...» она выглядит работой школьника. Талантливый ученик знаменитого ритор Ливания, усвоивший от учителя «замечательный тип культуры... и литературные, поразительно богатые формы» и вливший в эти формы новые, подлинно жизнеутверждающие идеи⁷⁹, так характеризует молитвотворчество святителя Василия Л. Буйэ, не мог написать такую молитву, в которой добрая половина текста совпадает в точности с текстом заамвонной молитвы (хотя бы и собственно сочинения), и на долю самостоятельного творчества приходится три слова в начале молитвы и возглас в конце ее. Кто автор этой молитвы и когда она написана, это остается неизвестным. Если эта молитва была написана в пору действия 19-го правила Лаодикийского Собора, как молитва главопреклонения, завершающего предъевхаристический синаксис, допустим даже в VI веке, в таком случае нельзя не согласиться с тем расположением трех молитв антифонов, которое профессор Матеос считает первоначальным. Заметим, что в Халдейской Церкви такая молитва главопреклонения еще существует⁸⁰.

Следует заметить, что первоначальное расположение молитв, о котором говорит проф. Матеос, могло измениться и получить существующее в настоящее время только по сформировании трех антифонов, формирование же этой триады происходило постепенно.

В рукописи Ватиканской библ. № 1970, датируемой концом XI — началом XII века, когда-то принадлежавшей греческому монастырю Пресвятой Богородицы Одигитрии в Россано (Италия), в литургии апостола Петра после возгласа «Благословено Царство...» диакон произносит ектению до прошения: «О избавити нас...» Священник читает молитву входа: «Владыко Господи, уставиый на небесех чины и воинства ангелов...» Диакон: «Заступи, спаси... Пресвятую, Пречистую...» Иерей: «Яко подобает Тебе всякая слава, честь...» и тотчас «Премудрость, прбости» и «Приидите, поклонимся и припадем Ему», «Единородный Сыне и Слове Божий...»⁸¹. Проф. Матеос характеризует эту литургию, как «итало-греческую... являющуюся приспособлением к римской литургии. Здесь имеется только третий антифон (псалом 94). Подобно римскому интронту из этого псалма взято только начало 6-го стиха и к нему прибавлен гимн «Единородный Сыне»⁸². Опубликовавший эту рукопись С. А. Свайнсон считает, что если не вся рукопись, то «некоторые части» «содержания почти так же древни, как и содержание Барбериновской рукописи»⁸³.

В новейшем критическом издании «Толкование литургии» патриарха Германа с латинским переводом Анастасия Библиотекаря (869—870) в оригинале приводятся слова патриарха: «Антифоны литургии суть предречения пророков, предвозвещающие пришествие Сына Божия от Девы на землю и взывающие: Бог наш на земли явися (Варух, 3, 38) и в лепоту облечеса (Пс. 92, 1), то есть проповедающие Его воплощенне». Эти слова патриарха можно принять как комментарий на гимн «Единородный Сыне». О количестве же антифонов Герман не говорит. Анастасий Библиотекарь приводит текст этого гимна и указывает два псалма: 92-й «Господь воцарися» и 94-й «Приидите, возрадуемся Господеви»⁸⁴. Отсюда можно сделать вывод, что триада антифонов завершилась дополнением 91-го псалма «Благо есть исповедатися Господеви» после кончины патриарха Германа.

Постепенное образование триады было вызвано необходимостью заполнить время, нужное для приготовления евхаристических даров, когда последнее было перенесено от херувимской к началу литургии. Это подтверждается тем, что формирование триады и перенесение протесиса совпадают во времени. Максим Исповедник вовсе не упоминает о приготовлении даров, к тому же при одновременном входе в храм епископа вместе с народом исключалась возможность предварительного протесиса до начала литургии. Патриарх же Герман уделяет немало места объяснению устройства жертвенника, его принадлежностей и их символического значения, причем делает это до толкования значения антифонов.

Для наглядного представления о процессе формирования триады антифонов как интегральной части литургии привожу начало литургии Иоанна Златоуста из рукописи IX—X вв. Ленинградской публ. библиот. № 266 (собрание епископа Порфирия Успенского). По совершении протесиса и каждении приготовленных даров, диакон — «Благослови, владыко». Иерей: «Благословено начало (!) и царство...» Диакон: «Миром Господу помолимся», иерей — молитву первого антифона: «Господи Боже наш, Его же держава несказанна...» Диакон: «Заступи, спаси... Пресвятую, Пречистую...» Иерей возглас: «Яко подобает Тебе всякая слава...» и первый антифон, псалом 91-й, «Благо есть исповедатися...» Диакон: «Паки и паки...» Иерей молитву второго антифона: «Господи Боже наш, спаси люди Твоя...» Диакон: «Заступи, спаси...» Иерей возглас: «Яко Твоя держава...» Второй антифон, псалом 92-й, «Господь воцарися...» Диакон: «Паки и паки...» Иерей молитву третьего антифона: «Иже общия сия и согласныя даровавый молитвы...» Диакон: «Заступи... Пресвятую...» Иерей: «Яко благ и человеколюбец...» и третий антифон, псалом 94-й, «Приидите, возрадуемся Господеви...» Входит (очевидно, диакон. — Н. У.) и говорит: «Премудрость, прости», Аллилуиа, «Едиnorodный Сыне и Слове Божий...»

Во время пения гимна «Едиnorodный Сыне» диакон поднимает святое евангелие и кадило и вместе с иереем идет перед святою трапезу и, глядя на иерея, держит святое евангелие в руках. Иерей же читает молитву входа: «Благодетелю и всея твари...» и кланяется евангелию. Тогда диакон: «Премудрость, прости. Приидите, поклонимся».

Во время пения этого стиха диакон произносит прошения: «Миром Господу помолимся. О свышнем мире и спасении его Господу помолимся. О мире всего мира и благостоянии святых... О отце и епископе... О благочестивейших и богохранимых... О избавитися нам от всякия скорби...» И иерей тотчас молитву Трисвятого (отличную от современной): «Святе святых, Боже наш, Един Свят и во святых почивай...» Диакон же: «Заступи, спаси, помилуй и сохрани... Пресвятую, Пречистую...» Иерей: «Яко свят еси Боже наш...» И тотчас Трисвятое. Во время пения Трисвятого иерей целует святою трапезу, мысленно говоря (*εὐμυστήριον λέγων*) «Благословено Царство Отца...» И, обратясь к народу, говорит: «Вонмем. Мир всем». Далее следовало произношение прокимна, чтение апостола (из книги Деяний), пение аллилуиария и чтение евангелия, затем ектения «Рцем вси»⁸⁵.

Начало этой литургии можно назвать уникальным. Литургии предшествует возглас: «Благословено начало и царство...» (*Εὐλογημένη ἡ ἀρχὴ καὶ βασιλεία*). Проф. Н. Красносельцев говорит, что «слово *ἀρχὴ* ни в каких других списках не встречается»⁸⁶. Многозначительна рубрика после возгласа Трисвятого «Яко свят еси Боже наш...», указывающая священнику во время пения Трисвятого целовать престол и при этом «в тайне» говорить «Благословено Царство Отца...». Двукратное произношение начального возгласа в первом случае с вставкой слова «начало» и во втором без этой вставки, но с тайным произношением, может быть объяснимо тем, что Порфирьевский евхологион был напи-

сан в ту пору, когда триада антифонов не являлась еще общепризнанной интегральной частью литургии. Совершающий литургию по данному евхологиону считал началом литургии пенне Трисвятого, как это было введено Василием Великим, триаду же как внехрамовое богослужение он не считал интегральной частью литургии. Это только *εναρξίς* = введение в литургию, истинным же царством Святой Троицы на земле является Евхаристия. Ее началом является тот момент, когда «на небе славословят ангельские воинства, на земле люди, в церквах составляя лики, подражают такому их славословию; на небе серафимы взывают трисвятую песнь, на земле множество людей возносят ту же песнь, составляя общее торжество небесных и земных существ, одна благодать, один восторг, одно радостное ликование»⁸⁷. Эту разницу между триадой антифонов и Евхаристией он подчеркивает тем, что в первом случае называет благословенным и начало и царство Отца и Сына и Святаго Духа, во втором же, хотя произносит начальный возглас литургии тайно, но говорит мысленно то, что в данном случае указано в тексте.

Структура трех антифонов, как она изложена в рассматриваемой литургии, напоминает структуру литии, совершаемой в Константинополе на Форуме, где по исполнении антифонов диакон произносил ектению, которая обычно называется великой (*μεγάλη εκτενη*), хотя она состояла из нескольких прошений: «О свышнем мире... О мире всего мира... Об отце и епископе... О благочестивейших и богохранимых... О избавитися нам от всякия скорби...»⁸⁸ Поскольку Форум Константина Великого являлся олицетворенным государственным многовековой империи, произношение на нем этой ектении было логичным. В Порфирьевском евхологионе эта ектения также сохранена после молитвы входа, поскольку ее содержание не противоречит древней молитве входа: «Благодетелю и всея твари Создателю, прими приходящую церковь, исполни во благо дело каждого, и всех введи в совершенство и сподоби царствия Твоего благодатию и человеколюбием Единородного Сына Твоего, с Ним же благословен еси...»⁸⁹. Более того, молитва получила название *Αιτησις του Τρισαιου*, то есть Моление Трисвятого.

И наконец, в Порфирьевском евхологионе мы впервые встречаемся с тем расположением молитв верных и главопреклонения, о котором предположительно высказался проф. Х. Матеос.

Поскольку 94-й псалом был завершающим триаду и заканчивался пеннем христологического гимна «Единородный Сыне...», было призначно целесообразным отнести к пеннию этого гимна и молитву: «Иже общыя сия...» Вторая же молитва: «Господи, Боже наш, Его же держава несказанна...» и третья: «Господи, Боже наш, спаси люди Твоя...» были подняты соответственно на одно место вверх.

Представим это графически:

В ДРЕВНЕХРИСТИАНСКОМ
СИНАКСИСЕ

В ТРИАДЕ АНТИФОНОВ

- 1-я мол. «Иже общыя сия и согласныя даровавый нам молитвы...»
- 2-я мол. «Господи, Боже наш, Его же держава несказанна...»
- 3-я мол. «Господи, Боже наш, спаси люди Твоя...»

- 1-я мол. «Иже общыя сия и согласныя даровавый нам молитвы...»
- 2-я мол. «Господи, Боже наш, Его же держава несказанна...»
- 3-я мол. «Господи, Боже наш, спаси люди Твоя...»

В таком расположении эти древние молитвы имелись уже в Барбериновском евхологионе и были опубликованы Гоаром в его евхологионе. Без каких-либо изменений они вошли в греческий евхологион и архиератикон, а оттуда в русский служебник и архиерейский чиновник, тогда как литургическое значение этого гимна менялось.

В X веке это был гимн, которым в Константинополе завершался вход патриарха не только на праздничной литургии, но даже на велико-

постной службе тритекти в среду сырной седмицы⁹⁰. С пением «Единородный Сыне» в среду по Пятидесятнице совершалась лития из Великой церкви в церковь архангелов Михаила и Гавриила, что в Новом дворце⁹¹. Исключение могло быть в том случае, когда в один день совпадали два великих праздника. В Иерусалимском списке указан такой случай во второй понедельник после Пасхи. В этот день в Великой церкви был обычный праздник, в Халкопратии же был главный праздник в честь Божией Матери и здесь литургию совершал патриарх. В Великой церкви пели антифоны как обычно: первый — 91-й псалом с припевом «Молитвами Богородицы...», второй — псалом 92-й с «Аллилуиа» троекратным и третий — 94-й псалом с гимном «Единородный Сыне...» В Халкопратии же — к первому антифону был припев: «Молитвами Богородицы...», ко второму — «Аллилуиа» троекратное, и на «Славу» — «Единородный Сыне», к третьему — тропарь «Преблагословенна еси, Богородице Дево...» и на «Слава...» тропарь 5-го гласа: «Святейшую херувим...»⁹². Гимн «Единородный Сыне» переносили на «Славу» ко второму антифону также в Господни великие праздники. Так делали в Пятидесятницу, поскольку на третьем антифоне в этот день пели тропарь «Благословен еси, Христе Боже наш...»⁹³. В праздник же Вознесения Господня «Единородный Сыне» вовсе опускали, и вместо него при третьем антифоне пели тропарь «Вознеслся еси во славе...»⁹⁴. Так же в Неделю ваий третий антифон заканчивали тропарем «Общее воскресение...», гимн же «Единородный Сыне» опускали⁹⁵.

Это же следует отнести к празднику Преображения Господня, о котором в том же Иерусалимском списке читаем: «Преображение великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, которое святая Божия Великая церковь празднует и святые церкви во всех городах и странах». В изложении богослужения этого праздника три антифона не упоминаются, но общая фраза: «Утренняя совершается на амвоне и утром на 50-м (псалме.— *Н. У.*) и на входе литургии поется тот же тропарь (имеется в виду тропарь «Преобразился еси на горé, Христе Боже...») говорит о том, что «Единородный Сыне» если пели, то только на «славу» при втором антифоне⁹⁶. В праздник Воздвижения Креста Господня вообще антифонов не было, потому что в конце утрени совершался чин воздвижения Креста и поклонение ему, что занимало много времени. В связи с этим устав говорит: «Антифонов не бывает, но тотчас певцы вместо Трисвятого поют на глас 6-й «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...»⁹⁷.

Присоединение к литургии литии, в которой, как правило, после трех антифонов произносилась великая ектения — с одной стороны, и с другой — отсутствие надобности в чтении молитв об оглашаемых в связи с постепенным исчезновением этой категории участников литургии и исчезновением на рубеже нашего тысячелетия самих молитв об оглашаемых, напр. в Иерусалимской литургии апостола Иакова и в Александрийской литургии евангелиста Марка⁹⁸, вызвали перестановку великой ектении в византийской литургии. Так, в Порфирьевском евхологионе, кроме ектении из нескольких прошений, с надписанием «Этисис Трисвятого», по прочтении евангелия дана еще ектения, некоторые из прошений которой уже упоминались в предыдущей ектении. «Рцем вси, Господи помилуй. От всея души и от всего помышления... Господи Вседержителю, не хотяя смерти... О святем храме сем... Об отце и епископе нашем... О побосити и покорити под нозе их всякаго... О избавитися и покорити... О всех требующих... Помилуй нас, Боже, по велицей...» Далее следует рубрика («И тотчас ектения... прошения о милости и мире, и благорастворении и прочне прошения. И тотчас обращается иерей и читает молитву этой ектении»). Дано начало молитвы: «Господи, Боже наш, прилежное сне молеше...»⁹⁹. Кодекс Гроттаферратской библи. X века № Г. β VII (324) указывает произношение великой ектении после

входа, перед Трисвятым¹⁰⁰. Устав Еввергетидского монастыря (рпк. библ. Афинского университета, № 788) XII в. указывает великую ектению до Трисвятого в великие праздники 24 декабря (в навечерие Рождества Христова)¹⁰¹, 29 декабря — день освящения главного храма монастыря в честь Божией Матери¹⁰², 5 января в навечерие Богоявления¹⁰³, в Благовещение 25 марта¹⁰⁴, в Преображение¹⁰⁵, в Великий четверг¹⁰⁶, в Великую субботу¹⁰⁷ и в первый день Пасхи¹⁰⁸. По рукописи Гроттаферратской библ. № Г. β II № 319 в том же XII веке великая ектения произносится в начале литургии¹⁰⁹, а в диакониконе Синайской библ. № 1040 того же века (в книге, содержащей в основном только диаконские прошения) на литургии Василия Великого — после входа до Трисвятого, а на литургии Иоанна Златоуста в начале¹¹⁰. По-видимому, в этом случае имело значение то обстоятельство, что Василий Великий начинал литургию молитвой Трисвятого, поэтому найдено было уместным великую ектению на его литургии произносить перед Трисвятым. Состав же молитв литургии Иоанна Златоуста создавался постепенно вокруг его анафоры. В Барберинском евхологоне ему приписываются только две молитвы: об оглашаемых «Господи Боже наш, на высоких живый...» и молитва проскомидии по перенесении даров на престол «Господи Боже, Вседержителю...»¹¹¹.

Следует заметить, что, несмотря на повсеместное закрепление в XIII веке великой ектении в начале литургии, в отдельных храмах в некоторые дни года допускалось произношение великой ектении, как это было в древности. А Стриттматтер указывает такие случаи в типиконе итало-греческого монастыря в Мили 1292 года и в типиконе собора в Бово (Калабрия), датированном 1552 годом¹¹².

Чтение молитв вызвало появление между ними и последующими псалмами малых ектений. Эти ектении формировались также постепенно. Изначальным было диаконское возгласие «Господу помолимся». В настоящее время без ответного «Господи, помилуй» оно неоднократно произносится во время проскомидии. Вскоре появилось и ответное «Господи, помилуй», но без дальнейших прошений. Так в настоящее время предваряется чтение заамвонной молитвы, молитвы хлебоблагословения на всенощном бдении, освящения ванн и в ряде чинов последований требника. Затем появилось прошение «Заступи, спаси, помилуй...», но без «Пресвятую, Пречистую...». В таком виде сохранились литургийные молитвы об оглашаемых и о верных. Прибавление прошения «Пресвятую, Пречистую...» и иерейский возглас завершили малую ектению. Поэтому Х. Матеос охарактеризовал малые ектении как развитие диаконского «Помолимся» или «Помолитесь...» В некоторых случаях диакону предоставлялось произносить или не произносить отдельные прошения. В Порфирьевском евхологоне по поставлении даров на престоле диакон, кадя, говорил: «Исполним молитву нашу Господеви... О предложенных и освящаемых... О святем храме сем... О избавитися нам от всякия скорби, гнева... (перед этим прошением имеется рубрика: «И если желает диакон»)»¹¹³. Такого же происхождения условность произношения второй ектении о верных в русской литургии. Если иерей служит без диакона, то он в последней ектении о верных произносит первое прошение: «Паки и паки...» и последнее: «Заступи, спаси...» Если же служит диакон, то он произносит все прошения этой ектении. Условность возникла в связи с внесением великой ектении в начале литургии.

Что представляла собой служба трех антифонов, когда она стала приобретать значение интегральной части литургии в самом Константинополе? Гоар опубликовал в своем Евхологоне манускрипт, который принес ему с Патмоса его друг Исидор Пиромалис, иеродиакон Смирнского монастыря святого Иоанна на Патмосе. В общих чертах манускрипт следует уставу Великой церкви. Согласно этому документу

священники и диаконы, долженствующие сослужить с патриархом, приходят в храм до прибытия последнего. Стоя в нефе перед святыми воротами, первый из них, наклонив голову, тайно читает молитву первого антифона и очень тихо произносит ее возглас. Певцы поют три или четыре стиха из псалма 91-го: «Благо есть исповедатися Господеви...» Стоящий позади их диакон поднимается на вторую ступеньку амвона и произносит: «Миром Господу помолимся».

Патриарх в неуточненное время приходит в храм и садится на троне, в противоположной части нефа. Служба продолжается без его участия.

Священник читает тайно вторую молитву. Диакон — «Заступи, спаси, помилуй...» Священник возгласно — «Яко Тебе подобает всякая слава...» Певцы на амвоне два или три стиха из псалма 92-го: «Господь воцарися...» с «Аллилуиа» и «Слава Отцу...» Священник читает: «Едиnorodный Сыне...» Диакон на своем обычном месте произносит: «Миром Господу помолимся». Народ: «Господи, помилуй». Священник тайно читает молитву третьего антифона. Диакон: «Заступи, спаси...» Священник возгласно: «Яко Бог милостив еси...» Певцы на амвоне поют стихи из 94-го псалма: «Приидите, возрадуемся Господеви...», с припевом «Спаси нас, Сыне Божий, воскресый из мертвых. Аллилуиа». Патриарх встает со своего трона и идет в алтарь.

В дальнейшем упоминается уже не патриарх, а архиерей. По-видимому, в этой части излагается не патриаршая константинопольская литургия, а неизвестного города¹¹⁴.

Второй источник наших сведений о службе трех антифонов в Великой церкви — древний перевод литургии Василия Великого на латинский язык. Он был опубликован Г. Морелем в Париже в 1560 году. Отличительная особенность этого документа от манускрипта Пиромалиса заключается в том, что в данном случае патриарх присутствовал в храме с самого начала службы трех антифонов, но он находился в диакониконе, где кадил приготовленные дары и читал молитву приношения. В это время священник и диакон становились перед решетками, отделяющими алтарь. Священник с преклоненной головой тихо читал молитву первого антифона и негромко произносил возглас. Певцы пели три или четыре стиха из псалма 91-го: «Благо есть исповедатися Господеви...» В остальном перевод близок к тексту Пиромалиса¹¹⁵.

Итак, в обоих случаях мы видим церковную службу, совершаемую даже в присутствии патриарха без начального благословения. Служба происходит вне алтаря. Священник читает молитвы тайно и тихо дает возгласы их. Все это напоминает современные входные молитвы священнослужителей перед архиерейской литургией.

Возможно, что введение службы трех антифонов, как предваряющей литургию, первоначально имело целью молитвенное приготовление клира к совершению евхаристии в духе наставления апостола Павла (1 Кор. 11, 28). На необходимость такого приготовления указывается уже в Дидахи¹¹⁶, у Климента Римского¹¹⁷, у Климента Александрийского¹¹⁸, в Постановлениях апостольских¹¹⁹, не говоря уже о святоотеческой письменности. Самые же ранние манускрипты с краткими входными молитвами перед святыми воротами становятся известными только в XIII веке, когда три антифона уже составляют повсеместно интегральную часть литургии. Они афонского происхождения и найдены были проф. Н. Ф. Красносельцевым в библиотеках Русского Пантелеимоновского и Есфигменского монастырей¹²⁰. Афонские греческие монастыри до настоящего времени руководствуются рукописными уставами, в которых отражены местные монастырские особенности богослужения¹²¹.

Когда три антифона вошли в состав литургии и таким образом утратили свое первоначальное назначение, афонские монастыри в силу су-

шествующей у них свободы литургического творчества ввели для священнослужителей новые входные молитвы.

Как в манускрипте Пиромалиса, так и в латинском переводе литургии Василия Великого мы видим гимн «Едиnorodный Сыне» отнесенным на конец второго антифона. В конце же третьего появляется стих: «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу, спаси нас, Сыне Божий, воскресный из мертвых, поюция Ти: Аллилуиа». Стих этот назван антифоном. Этот термин, как известно, применялся к припевам, которыми сопровождалось пение стихов того или иного псалма. Стих представляет собой начало 6-го стиха 94-го псалма: «Приидите, поклонимся и припадем Ему», которым обычно заканчивалось пение третьего антифона. В данном случае он адаптирован в христологическом смысле. Слово «Ему» заменено словами «ко Христу» с последующим дополнением молитвенного содержания: «Спаси нас, Сыне Божий...» Уточнить время происшедшего изменения невозможно, потому что в некоторых манускриптах указание на пение 6-го стиха из 94-го псалма дается сокращенно. Так, в Порфирьевском евхологионе: «Премудрость, прости. Приидите, поклонимся». В арабской и грузинской версиях Толкования литургии патриарха Германа начало 6-го стиха дано неадаптированным, хотя обе версии XI века¹²². Кстати, в арабской версии гимн «Едиnorodный Сыне» помещен при втором антифоне.

В Порфирьевском же евхологионе чья-то рука зачеркнула первоначально записанные в связи с третьим антифоном слова: «Приидите, поклонимся. Едиnorodный Сыне и Слове Божий»¹²³. Зачеркнувший их не оставил никаких следов, по которым можно было бы уточнить время сделанной им ремарки.

По-видимому, и закрепление гимна «Едиnorodный Сыне» за вторым антифоном и адаптация начала 6-го стиха 94-го псалма в христологическом значении происходили синхронно на рубеже XI—XII столетий. Какой из этих двух факторов являлся причиной и какой следствием, иначе говоря, перенесение ли гимна ко второму антифону вызвало адаптацию стиха, или наоборот, адаптация стиха в христологическом значении вызвала перенесение гимна? Ответа на этот вопрос у толкователей литургии мы не находим.

Гимн «Едиnorodный Сыне» в истории еретических движений монофизитства и монофелитства был голосом Православия, обличающим эти ереси, но ко второму тысячелетию истории Церкви эти ереси, как и иконоборчество, были делом прошлого. В то же время богословская мысль сосредоточивается на значении Евхаристии как трапезы Господней. Уже в Барбериновском евхологионе № 336/77 литургия начинается протесисом (ἡ προθεσις), то есть приготовлением евхаристических даров, связанным с чтением особой молитвы. На литургии Василия Великого священник, полагая хлеб на дискос, читал молитву: «Боже, Боже наш, небесный хлеб, пишу всему миру, Господа нашего и Бога Иисуса Христа ниспославый Спасителя, и Искупителя, и Благодателя, благословляющаго и освящающаго нас, Сам благослови предложение сие и прими в пренебесный Твой жертвенник; помяни, яко Благ и Человеколюбец, принесших и их же ради принесоша, и нас неосужденных сохрани в священнодействии Божественных Твоих Таин, яко освятися и прославися всечестное и великолепое имя Твое...»¹²⁴.

В том же евхологионе для литургии Иоанна Златоуста положена особая молитва: «Господи Боже наш, предложивый Себе Агнца непорочна за живот мира, призри на нас, на хлеб сей и на чашу сию, и сотвори их пречистым Телом Твоим и честною Твоею Кровию в причащение душ и телес, яко освятися и прославися всечестное и великолепое имя Твое...»¹²⁵.

В Порфирьевском же евхологионе дана еще молитва кадила, что указывает на завершение протесиса каждением приготовленных даров.

«Кадило приносим пред Тобою, Господи Боже наш, его же приняв, Владыко, в воню благоухания духовнаго на святыи Твои пренебесный, мысленный и духовный жертвенник, ниспосли нам милости Твоя благия и даруй нам, рабам Твоим, сия, призывающим имя Твое. Яко освятися и прославися»¹²⁶.

Богословская значимость молитв протесиса, в которых Христос именуется «Небесным хлебом» (Ин. 6, 32 и 33), «Хлебом жизни» (Ин. 6, 35 и 48), «Агнцем Божиим, берущим на Себя грех мира» (Ин. 1, 29), превышает значимость гимна «Единородный Сыне», представляющего собой перифраз 2-го, 3-го и 4-го членов Символа веры. Поэтому гимн в конечном итоге был перенесен ко второму антифону, а в некоторых случаях вовсе опускался, будучи заменяем тропарем праздника.

Адаптированный в христологическом значении 6-й стих 94-го псалма: «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу» завершался молитвенным обращением: «Спаси нас, Сыне Божий, воскресий из мертвых поющая Ти: Аллилуиа», причем «Аллилуиа» было не троекратным, а однократным, чем подчеркивалось значение Евхаристии как Трапезы Господней, установленной на Тайной вечери для спасения человечества через страдания Самого Господа Иисуса Христа. Поэтому же ни в уставе Великой церкви¹²⁷, ни в типиконе Евергетидского монастыря, который составлялся на основе устава Великой церкви, нигде не указан в неделю Пятидесятницы припев: «Спаси ны, Утешителю благий, поющая ти: Аллилуиа»¹²⁸.

Третий антифон во всех случаях завершался пением тропаря праздника, а на воскресной литургии или на литургии в малый праздник заключительным тропарем служил гимн «Единородный Сыне». С отнесением же этого гимна на «Славу» второго антифона третий завершали воскресным тропарем, а в седмичный день тропарем святого. При совпадении празднуемого святого с воскресным днем пели два тропаря. Два тропаря пели еще в том случае, когда в службе празднуемого святого имелись два тропаря. В этом случае второй тропарь пели на «Слава и ныне». Такой случай см. выше в праздник первоверховных апостолов Петра и Павла.

Несколько слов из истории происхождения входного стиха. По уставу Великой церкви в великие Господни праздники Святой Пасхи, Вознесения Господня, Пятидесятницы, Рождества Христова и Богоявления и их навечерий полагались особые антифоны. Последние, как и антифоны всего года, формировались постепенно. Сначала был один антифон, который наиболее соответствовал содержанию праздника. Затем возникла триада антифонов.

Как правило, дополнительными псалмами служили ближайшие к основному в псалтири. Важно было, чтобы ближайший псалом со стороны его содержания соответствовал идейному значению праздника. Так, в триаде обычных литургийных антифонов к основному 94-му псалму были добавлены 92-й «Господь воцарися» и позднее 91-й «Благо есть исповедатися Господеву». Псалом же 93-й оказался опущенным из-за его сурового содержания: «Бог отмщений Господь, Бог отмщений не обинулся есть».

Для праздника Пасхи основным псалмом был 67-й «Да воскреснет Бог...» К нему были прибавлены 66-й — «Боже, ущедрни ны...» и 65-й «Воскликните Господеву вся земля...»¹²⁹.

На Вознесение Господне основным был 46-й псалом: «Вси языци воспещите руками...» К нему добавлены были 45-й: «Бог нам прибежище и сила...» и 41-й: «Им же образом желает елень на источники водныя...»¹³⁰.

В Пятидесятницу основным был 20-й псалом: «Господи, силою Твоею возвеселится царь...» к нему добавлены 19-й: «Услышит тя Господь в день печали...» и 18-й: «Небеса поведают славу Божию»¹³¹.

В навечерие Рождества Христова основным был 109-й псалом: «Рече Господь Господеви моему...», к нему добавили псалом 1-й: «Блажен муж...» и псалом 2-й: «Вскую шаташася языцы...»¹³². В самый праздник основным был тот же 109-й псалом. К нему добавили 110-й: «Исповемся Тебе, Господи, всем сердцем моим...» и 111-й: «Блажен муж, бояйся Господа...»¹³³.

В навечерие Богоявления основным был 28-й псалом: «Принесите Господеви сынове Божии...» К нему добавили 26-й псалом: «Господь просвещение мое...» и 27-й: «К Тебе, Господи, воззову...»¹³⁴. В самый праздник основным был 117-й: «Исповедайтесь Господеви, яко благ...». К нему были прибавлены 113-й: «Во исходе Израилеве от Египта...» и 114-й: «Возлюбих, яко услышит Господь...»¹³⁵.

В навечерие Рождества Христова к первому антифону был припев: «Заступи меня, Господи», ко второму: «Молитвами Богородицы» и к третьему: «Аллилуиа вечернее». В навечерие Богоявления к первому: «Помоги мне, Господи», ко второму: «Молитвами Богородицы...» и к третьему: «Аллилуиа двойное». Поскольку в дни навечерий совершался вечерний вход, а после него чтение паремий, чередующееся с пением особых тропарей, по исполнении литургийных антифонов следовала ектения и пение Трисвятого¹³⁶.

В самые же праздники Пасхи, Вознесения Господня, Пятидесятницы, Рождества Христова и Богоявления к первому антифону был припев «Молитвами Богородицы...», а в Пасху и в Пятидесятницу прибавляя и второй припев «Молитвами святых...». Ко второму в Пасху, в Вознесение и в Пятидесятницу: «Спаси нас, Сыне Божий, поющая Ти: Аллилуиа». В Рождество Христово: «Спаси нас, Сыне Божий, рождейся от Девы, поющая Ти: Аллилуиа». В Богоявление: «Спаси нас, Сыне Божий, во Иордане крестивыйся, поющая Ти: Аллилуиа». К стихам третьего антифона прилагали тропарь праздника.

При такой конструкции праздничных антифонов они не имели того завершающего момента, который в антифонах всего года имел место благодаря 6-му стиху 94-го псалма: «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу...» Этот ущерб компенсировали произношением входного стиха, который для данного праздника являлся наиболее выразительным. В Пасху это был стих «В церквах благословите Бога, Господа от источник израилевых» (67, 27). В Вознесение Господне стих «Взыде Бог в воскликновении, Господь во гласе трубне» (46, 6), в Пятидесятницу: «Вознесися, Господи, силою Твоею, воспоем и поем силы Твоя» (20, 2). В Рождество Христово: «Из чрева прежде денницы родих Тя, клятся Господь и не раскается» (109, 3 и 4). В Богоявление: «Море виде и побеже, Иордан возвратися вспять» (113, 3). В данном случае входной стих взят не из основного псалма, очевидно потому, что в нем упоминается Иордан¹³⁷.

История литургийных антифонов заканчивается на сведениях, заимствуемых из Иерусалимского списка. В дальнейшем исследователю приходится воспользоваться косвенным свидетельством. Это рукопись Афинской национальной библиотеки № 788, опубликованная проф. А. А. Дмитриевским и содержащая упомянутый выше типикон Константинопольского Евергетидского монастыря¹³⁸. Устав был составлен первым игуменом монастыря преподобным Павлом, скончавшимся в 1054 году 16 апреля. После кончины основателя монастыря устав неоднократно редактировался. Последнюю редакцию относят на годы между 1143 и 1158¹³⁹. Евергетидский устав составлялся под большим влиянием устава Константинопольской Великой церкви, о чем упоминает сам составитель его¹⁴⁰. Проф. А. А. Дмитриевский находит много общего в изложении между Патмосским списком устава Великой церкви и Евергетидским уставом в рукописи Афинского университета. «Нужно поэтому признать за положительный факт,— пишет он,— что соста-

витель Евергетидского типикона создал его на основе патриаршего константинопольского устава Великой церкви. В издаваемой теперь нами рукописи библиотеки Афинского университета мы, таким образом, получаем новый источник для знакомства нашего с богослужбной практикой Великой церкви в Константинополе»¹⁴¹.

В Евергетидском типиконе особые праздничные антифоны сохраняются как и в уставе Великой церкви с той разницей, что в праздник Вознесения Господня к основному 46-му псалму «Все языцы восплещити руками...» были прибавлены 45-й: «Бог нам прибежище и сила...» и 44-й: «Отрыгну сердце мое слово благо...» и положен входной стих: «Взыде Бог в воскликновении, Господь во гласе трубне» (46, 6)¹⁴². В праздник Богоявления входной стих взят из основного псалма (ст. 26, 27): «Благословен грядый во имя Господне, Бог Господь и явися нам»¹⁴³.

Сопоставляя богослужение по Евергетидскому уставу с Иерусалимским списком устава Великой церкви, следует отметить, что Константинопольская литургия в течение 11-го и первой половины 12-го столетий приобрела некоторые новые особенности, касающиеся совершения антифонов и малого входа. Евергетидский устав сохраняет в некоторые Господни и Богородичные праздники обычные антифоны: 91-й псалом: «Благо есть исповедатися Господеви», 92-й псалом: «Господь воцарися...» и 94-й псалом: «Приидите, возрадуемся Господеви», но дополняет их входным стихом, после которого поется тропарь праздника и на «Слава и ныне» кондак его.

Из Господних праздников это касается Воздвижения Креста Господня, Недели ваий и Преображения Господня. В праздник Воздвижения Креста Господня согласно Иерусалимского списка антифонов вообще не пели из-за продолжительности чина воздвизания Креста и последующего целования его. Чин воздвизания оказывался тесно связанным с литургией, так что пение тропаря: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко» заменяло собой пение Трисвятого¹⁴⁴.

По Евергетидскому уставу в этот праздник положены антифоны всего года. Первый с припевом: «Молитвами Богородицы...», второй с припевом: «Спаси нас, Сыне Божий, распныйся за ны, поющая Ти: Аллилуиа». К третьему припеву был тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя». Но вместо стиха «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу» был положен входной стих: «Вознесите Господа Бога нашего и поклоняйтесь подножию ногу Его, яко свято есть» (98, 5). По входе же пели «Слава и ныне», «Вознесыйся на крест волею...»¹⁴⁵.

В Неделю ваий по Иерусалимскому списку не пели антифонов, потому что в это время патриарх находился в церкви святых сорока мучеников и раздавал там лицам в священном сане и народу ваиа. Здесь же он читал молитву Трисвятого и архонты и певцы пели на амвоне тропарь «Общее воскресение», затем на форуме славословили с этим же тропарем, а затем подобно славословили и в Великой церкви¹⁴⁶. По Евергетидскому уставу в этот праздник полагалось петь изобразительные и блаженны. Затем произносился входной стих тот же, что и в Богоявление: «Благословен грядый во имя Господне, Бог Господь и явися нам», после чего пели тропарь «Общее воскресение», кондак «На престоле на небеси...» и следовало Трисвятое¹⁴⁷.

В Преображение Господне к первому антифону был припев: «Молитвами Богородицы...» Ко второму — «Спаси нас, Сыне Божий, во славе преобразивыйся...» К третьему — тропарь «Преобразился еси на горе, Христе Боже...», а по входе — «Слава и ныне», кондак праздника, затем ектения и Трисвятое¹⁴⁸.

Из Богородичных праздников праздник Рождества Богородицы почему-то не имеет особенностей праздничной торжественности. На литургии положены изобразительные, блаженны праздника и «Помяни нас,

Господи...», затем тропарь, Троицен и Богородичен¹⁴⁹. Если же праздник совпадает с воскресеньем, в таком случае изобразительные и блаженны воскресные, по входе же «Слава и ныне», кондак праздника¹⁵⁰.

В праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы положены изобразительные от канона Богородицы, на входе же, если это воскресенье, — «Приидите, поклонимся...», в другой же день входной стих: «Приведутся Царю девы в след Ея, искренния Ея приведутся Тебе» (44, 15). Тропарь праздника, «Слава и ныне», кондак, Трисвятое и проч.¹⁵¹

В Сретение Господне обычные антифоны. К первому припев: «Молитвами Богородицы...», ко второму: «Спаси нас, Сыне Божий, от Девы рождейся...». К третьему — тропарь «Радуйся, благодатная Богородице Дево...». Входной стих «Сказа Господь спасение Свое, пред языки отккры правду Свою» (Пс. 97, 2). По входе тропарь: «Радуйся, благодатная Богородице Дево», «Слава и ныне», кондак¹⁵².

В Благовещение Пресвятой Богородицы — к первому антифону припев «Молитвами Богородицы...», ко второму: «Спаси нас, Сыне Божий, от Девы рождейся...», к третьему тропарь: «Днесь спасения нашего главизна...» Входной стих «Благовестите день от дне спасение Бога нашего» (95, 2) и снова тропарь, «Слава и ныне», кондак¹⁵³.

В праздник Успения Божией Матери к первому антифону припев: «Молитвами Богородицы...», ко второму — «Спаси нас, Сыне Божий, от Девы рождейся...», к третьему — тропарь «В рождестве девство сохранила еси...» (входной стих не указан). Устав ограничивается заметкой «И прочее. Вход. Прокимен...»¹⁵⁴. При совпадении праздника с воскресеньем указаны изобразительные и блаженны воскресные. По входе тропарь воскресный, «Слава и ныне», кондак Богородицы¹⁵⁵.

Позднее Греческая Церковь расширила круг праздников с особыми антифонами. Были составлены антифоны на праздники Рождества Богородицы, Введения Ее во храм, Благовещения и Успения, а также на праздники Обрезания Господня и Сретения, на неделю Православия и на Крестопоклонное воскресенье. Антифоны составлены из стихов разных псалмов, взятых оттуда выборочно. Исключение составляют антифоны на праздник Сретения Господня, составленные из стихов одного, 44-го псалма: «Отрыгну сердце мое слово благо...».

Во все праздники к первому антифону был припев: «Молитвами Богородицы, Спасе, спаси нас». Ко второму антифону в праздник Рождества Богородицы припев: «Спаси нас, Сыне Божий, во святых дивен Сый, поющая Ти: Аллилуиа». К третьему — тропарь «Рождество Твое, Богородице Дево». Входной стих: «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу... во святых дивен Сый поющая Ти: Аллилуиа». Тропарь «Рождество Твое, Богородице Дево» и кондак: «Иоаким и Анна...»¹⁵⁶.

В праздник Введения во храм — ко второму антифону «Спаси нас, Сыне Божий, во святых дивен Сый...» К третьему — тропарь «Днесь благоволения Божия преображение...». Входной стих: «Приидите, поклонимся... во святых дивен сый...». Еще раз тропарь: «Днесь благоволения Божия преображение...» и кондак «Пречистый храм...»¹⁵⁷.

В праздник Обрезания Господня — ко второму антифону: «Спаси нас, Сыне Божий, плотию обрезавшийся, поющая Ти: Аллилуиа». К третьему антифону тропарь: «Образ неизменно человеческий принявый, Бог же Сый по природе, многомилосердный Господи. Закон исполняя, обрезание плоти принял волею, да изгониши мрак и покров страстей наших. Слава благости Твоей, слава милосердию Твоему, слава несказанному, Слове, Твоему снисхождению». Входной стих: «Приидите, поклонимся... Спаси нас, Сыне Божий, плотию обрезавшийся...». Тропарь «Образ неизменно...» и святого «Во всю землю...» и святого храма, и кондак: «Всех Господь обрезание терпит...»¹⁵⁸.

В Сретение Господне — ко второму антифону припев: «Спаси нас, Сыне Божий, во объятиях праведнаго Симеона носивыйся, поющая Ти:

Аллилуиа». (В Евергетидском уставе было «От Девы рождейся...») К третьему — тропарь «Радуйся, благодатная Богородице Дево...» Входной стих: «Сказа Господь спасение Свое пред всеми языки». «Спаси нас, Сыне Божий, во объятиях праведнаго Симеона носивыйся, поющия Ти: Аллилуиа». Тропарь: «Радуйся, благодатная Богородице Дево...» и кондак: «Утробу девичу...»¹⁵⁹.

В Благовещение ко второму антифону припев: «Спаси нас, Сыне Божий, во ради воплотивыйся (в Евергетидском уставе было «от Девы рождейся...») поющия Ти: Аллилуиа». К третьему тропарь: «Днесь спасения нашего главизна...». Входной стих: «Благовестите день от дне...». И еще раз «Спаси нас, Сыне Божий, нас ради воплотивыйся...». Тропарь «Днесь спасения нашего главизна...» и кондак: «Взбранной воеводе...»¹⁶⁰.

В Успение ко второму антифону: «Спаси нас, Сыне Божий, во святых дивен Сый...». К третьему тропарь: «В рождестве девство...». Входного стиха нет. По входе тропарь: «В рождестве девство...» и кондак: «В молитвах неусыпающую...»¹⁶¹.

В Неделю Православия по втором антифоне: «Спаси нас, Сыне Божий, воскресый из мертвых, поющия Ти: Аллилуиа». К третьему — «Пречистому образу Твоему...». Входного стиха нет. По входе воскресный тропарь, тропарь «Пречистому образу Твоему...», тропарь храма и кондак «Взбранной...»¹⁶².

В Крестопоклонное воскресенье антифоны отличаются от антифонов Недели Православия, в остальном же всё как в Неделю Православия¹⁶³.

Достаточно подробно записанный в илитарии¹⁶⁴ Синайской библии № 1020 XII—XIII века¹⁶⁵ порядок пения антифонов дает возможность получить представление о способе их исполнения. Отчетливо проявившаяся уже в VII веке тенденция к сокращению псалмов за счет выборочного пения наиболее выразительных стихов и отдельных фраз к XII веку достигла своего апогея. В это время антифон состоял из двух или трех фраз. Такими были и иллюстрируемые антифоны. Их исполнителями, как правило, были domestik и народ. Domestik пел стих или фразу из псалма, народ же отвечал ему припевом. В данном случае domestik пел одну часть стиха, а народ отвечал ему второй. При таком способе исполнения от народа требовалось большее знание священных текстов, нежели при респонсорном пении, где на все стихи народ отвечал одним и тем же припевом. Значение такого способа исполнения было тем более важно, потому что в основе конструкции текстов древнееврейской священной поэзии лежало не метрическое сложение, а сопоставление фраз как тезы и антитезы или тезы и гипертезы. В том и другом случае мысль псалмопевца выступала с наибольшей выразительностью. (Автор считает необходимым заметить, что в изданном тексте во втором антифоне пропущена вторая половина первого стиха, в результате чего происходит смещение дальнейших стихов, теряется смысл и нарушается силлабика стихосложения. Кроме того, пропущено одно слово в первом антифоне и два слова во втором. Автор внес их в скобках со знаком вопроса.) Каждый стих псалма или каждая пара фраз завершались совместным пением припева domestikом и народом.

ПЕРВЫЙ АНТИФОН (псалом 91-й) пели напевом 2-го гласа

Domestik:

Народ:

«Благо есть исповедатися Господеви»

«И пети имени Твоему, Вышний»

Совместно припев: «Молитвами Богородицы, Спасе, спаси нас».

«Возвещати заутра милость Твою и...
(истину?)»

«Яко прав Господь Бог наш»

Совместно припев: «Слава и ныне. Молитвами Богородицы, Спасе, спаси нас».

ВТОРОЙ АНТИФОН (псалом 92-й), глас не указан

Доместик:

Народ:

«Господь воцарися»

(«В лепоту облечеса?»)

«Ибо утверди вселенную»

«Дому Твоему (подобает святыня?)»

Совместно: «Слава и ныне. Единородный Сыне...»

ТРЕТИЙ АНТИФОН (псалом 94-й) пели напевом 2-го гласа

Доместик:

Народ:

«Приидите, возрадуемся Господеви»

«Воскликнем Богу, Спасителю нашему»

Совместно: «Спаси нас, Сыне Божий (воскресый из мертвых или иная вставка соответственно празднику), поющая Ти: Аллилуиа».

«Предварим лице Его во исповедании»

«Яко Бог Велий Господь и Царь»

Совместно: «Спаси нас, Сыне Божий...»

«Яко в руце Его вси концы земли»

«Яко Того есть море»

Совместно: «Спаси нас, Сыне Божий...»

Псалом 94-й «Приидите, возрадуемся Господеви» послужил основой формирования триады антифонов, и он остается кульминационным моментом входа в храм, которому Василий Великий придал литургическое значение. С того времени в обряде этого входа произошло много изменений. Святитель Василий входил в неф храма из притвора вместе с клириками и народом, ожидавшими там его прихода. Первым, что положило начало литургическому оформлению входа, было прославление Бога за «малую церковь», то есть за тех, кто пришел в храм и ожидает великого таинства Евхаристии. Их он называл святыми в духе апостольского учения о святости христиан, как принявших в таинстве крещения Духа Святого (см. 1 Пет. 1, 15—16; 2, 5—10; Рим. 1, 7; 1 Кор. 1, 2; 14, 33; Еф. 1, 1; Фил. 1, 1; Кол. 1, 2 и проч.) и возглашал «Благословен вход Святых Твоих». Так как началом литургии он полагал пение Трисвятого, то, войдя в храм, он читал во услышание всех молитву «Боже Святой, Иже во святых почиваяй...», после чего начиналось пение Трисвятого.

В современной литургии как в Русской Церкви, так и на Востоке молитву входа иерей читает во время третьего антифона. Такой порядок мы видим уже в Порфирьевском евхологионе.

Утратив свой первоначальный смысл, обряд входа оказался связанным с принесением из пастофория священных книг Апостола и Евангелия для предстоящего чтения их. Отсюда он получил название «вход с Евангелием». «Въхоженье евнгльское» — так называет его патриарх Герман в «Толковании литургии». При этом он упоминает заключительный в пении антифонов стих 94-го псалма «Приидите, поклонимся и припадем Ему. Спаси нас, Сыне Божий». Его слова «и всѣмъ пѣвающимъ», которые он приводит перед упомянутым стихом, можно принять как указание на то, что этот стих сначала произносил сам Патриарх, а затем пел весь народ¹⁶⁶.

Так как в пастофорий не было непосредственного входа из алтаря и диакону нужно было идти туда или обратно по солее, вход имел свой смысл. Когда же пастофорий, как и диаконикон, где совершалось приготовление евхаристических даров, оказались внутренними помещениями алтаря, малый вход из алтаря через горнее место и северную дверь ко святым вратам утратил и это назначение.

Сохранился смысл третьего антифона только в архиерейской литургии благодаря многократному пению «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу», сопровождаемому каждением престола, алтаря и молящихся.

Впрочем, в илитарии литургии Иоанна Златоуста (рукопись Патмосской библии. № 709, датирована 1260 годом), по-видимому принадлежавшем неизвестному храму, где участниками богослужения были нерей и народ, пение антифонов возглавлял священник.

Иерей:

Народ:

«Благо есть исповедатися...»

«И пети имени Его»

«Возвещати заутра...»

«Яко праведен Господь Бог»

«Слава...»

«И ныне... Молитвами Богородицы...»

Так же исполняли второй антифон. Во время третьего антифона он совершал вход.

«Придите, возрадуемся Господеви...»

«Яко Бог велий Господь»

Предварим лице Его...»

«Яко в руце Его вси концы земли»

«Яко Того есть море»

После пения тропаря и кондака иерей благословлял народ, произнося возглас Трисвятого: «Яко Свят еси, Боже наш...»¹⁶⁷.

Трисвятое знаменует начало Евхаристии. Но им завершается и пение великого славословия. Симеон Солунский говорит, что его пели в конце песенной вечерни в связи с третьим малым антифоном¹⁶⁸. Трисвятое же в некоторых случаях заменяло собой пение антифонов при шествии литии вне храма. В Иерусалимском списке устава под 25 сентября указано совершение литии по случаю воспоминания великого землетрясения, происшедшего в 477 году. В этот день утром в Великой церкви совершалась «ектения Трисвятого» и шествие направлялось на Форум. Вместо антифонов пели Трисвятое. Придя на Форум, «славословили». И после великой ектении направлялись к Золотым воротам и на пути снова пели Трисвятое и в Золотых воротах снова «славословили», снова пели Трисвятое до Марсова поля и на Трибунале опять «славословили»¹⁶⁹.

В государственный праздник — первый день индикта (1 сентября) также совершалось шествие с литией на Форум. В рукописи Афонского Пантелеимонова монастыря № 68, XI века, в изложении порядка этой литии читаем: «Певцы же на амвоне (поют.— Н. У.) начало Великого Трисвятого. Оно же поется до Форума. Когда же лития придет на Форум, певцы «славословят» это же Трисвятое, а потом исполняет его народ»¹⁷⁰.

В некоторых случаях при пении тропаря после «Слава и ныне» исполнялась еще перисса́ (ἡ περὶσσα=дополнение). Для Трисвятого периссой являлся конец этого тропаря: «Святый Бессмертный, помилуй нас». Как правило, за периссой следовало то τελευτεον=завершающее повторение тропаря. (В современном богослужении сохранилось исполнение Трисвятого с периссой в конце великого славословия и перед чтением Апостола.)

Первоначально Трисвятое представляло собой тропарь к стихам 79-го псалма «Пасый Израиля вонми: наставляяй яко овча Иосифа». Ко времени расцвета византийской гимнографии (условно IX—X вв.) он не избежал той участи, которая постигла древнюю традицию псалмопения, когда сформировался новый вид антифонов, где из псалмов употреблялись лишь отдельные стихи и даже отдельные фразы. Так, из 79-го псалма сохранились слова: «Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей, и утверди и, его же насади десница Твоя», заимствованные из 15 и 16 стихов.

Согласно кодексу Британского музея № 34060, литургия начинается пением антифонов. Когда же наступит время входа, архиерей, стоя перед святыми вратами, делает три поклона к востоку. Затем, когда архиерей, держащий евангелие, скажет «Господу помолимся» и присутствующие «Господи, помилуй», архиерей, преклонив голову, читал молитву: «Владыко Господи, Боже наш». Затем целовал евангелие без поклона, и поддерживаемый под руки двумя идущими архонтами, под-

ходил к святым вратам. Поклонившись и поцеловав святыя иконы, он входил в алтарь, делал поклон перед престолом, целовал индитию, приподнятую канстрисием¹⁷¹, и становился перед престолом. Архидиакон принимал благословение на начало входа, певцы «славословили» и «совершали уставное последование» (имеется в виду пение «Приидите, поклонимся» и тропаря).

Затем архидиакон снова испрашивал благословение. Архиерей преподавал ему благословение, говоря так, чтобы было слышно только архидиакону: «Благословен Бог наш всегда, ныне...» Архидиакон: «Аминь» и певцы начинали петь Трисвятое. Архиерей, наклонив голову, читал молитву «Боже святыи». Если не было литии, полагалась сначала ектения, если же лития была, ектении не было. Прочитав молитву, архиерей отдавал контакион¹⁷² канстрисию. После того, как певцы пропоют «славословие», канстрисий подавал архиерею дикирий и трикирий. Архиерей, приняв их, совершал поклон, говоря в себе (λεγων καθ' εαυτου), «Господи Боже сил, призри с небесе и виждь и посети виноград сей и утверди и, его же насади десница Твоя». И вторично поклонялся, опять говоря это. На третий же поклон говорил: «Троице святая, призри с небесе и виждь и посети виноград сей и утверди и, его же насади десница Твоя». По третьем поклоне он, начертав единожды крест над серединой престола и отдав дикирий и трикирий, стоял, сложив (δεξιρας) руки на груди. Один из архонтов, стоящий слева от него, подавал ему кадило, и он кадил перед престолом.

Когда певцы заканчивали последнее Трисвятое, архиерей шел на горнее место и оттуда благословлял народ. И когда народ повторял Трисвятое, архиерей благословлял его трижды¹⁷³.

Богословский смысл вышеприведенных молений архиерея вытекает из слов Самого Господа, сказанных Им в прощальной беседе с Его учениками. «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь. Всякую у меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода» (Ин. 15, 1, 2). Первые слова молитвы «Господи Боже сил» заимствованы из 79-го псалма (ст. 5, 8, 20). В третьем чтении молитвы епископ обращался к Святой Троице. Итак, в Троице славимый Бог — виноградарь, а виноградник — Церковь. Слова молитвы «Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей», как и последняя фраза: «его же насади десница Твоя», не требуют разъяснения. Но что означают слова «и утверди и»? Ударение, поставленное над четвертым в тираде «и», не раскрывает смысла этих слов. В греческом им соответствуют слова *καὶ καταρτίσαι αὐτήν*. Глагол *καταρτίζω*, производный от *κατά* и *ἀρτίζω*, соответствует русскому восстанавливать, вновь приводить в порядок, и имеет в виду слова Господа о том, что Бог как виноградарь всякую ветвь, «приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода». Так именно понимал значение входа народа с епископом преподобный Максим Исповедник. Ему принадлежат слова: «Не одно только обращение неверных к истинному Богу (и от зла) знаменует вход в церковь, но и покаяние и исправление каждого из нас, верующих, преступающих заповеди Господа несообразным с заповедями поведением и достойною стыда жизнью. Ибо о всяком человеке, убийца ли он, или прелюбодей, вор, кичливый, гордый, досадитель, любостяжатель, сребролюбец, клеветник, злопамятный, гневливый, хульник, злоумышленник, шепотник, завистник, пьяница, словом, — чтобы не исчислять подробно всех видов зла, — о всяком человеке, подверженном какому-нибудь пороку, коль скоро он перестанет добровольно поддаваться ему и намеренно совершать его, и переменит жизнь свою к лучшему, предпочитая добродетель пороку, — справедливо и воистину можно думать и говорить, что он совступает со Христом, Богом и архиереем, в добродетель, которую изображает мысленно Церковь»¹⁷⁴.

Обрядовая сторона пения Трисвятого, как она изложена в манускрипте Британского музея № 34060, соответствует значению Трисвятого, как представлял его Иоанн Златоуст (см. прим. 87). Стоящий на крипиде¹⁷⁵ перед престолом с дикирием и трикирием в руках и сосредоточенно молящийся о своей пастве архиерей и одновременное с его молитвой многократное пение Трисвятого певцами, а затем и народом воинству «составляло общее торжество небесных и земных существ, одну благодать, один восторг, одно радостное ликование».

Профессор А. А. Дмитриевский, публикуя древние литургические манускрипты, имел обычай заслуживающее особого внимания печатать вразрядку. Публикуя чин литургии Василия Великого из илитария Синайской библиотечки № 1020 XII—XIII вв., он выделил вразрядку слова *Λαβετε Πνευμα αγιον*, то есть «Примите Духа Святого», с которыми иерей обращался к народу, произнеся возглас: «Яко Свят еси Боже наш...»¹⁷⁶. Народ на это отвечал пением «Святый Боже...», иерей же читал молитву. Профессор архимандрит Киприан (Керн), касаясь вопроса действия благодати Божией в литургии, пишет: «На протяжении всей литургии можно найти несколько призываний Святого Духа, нарастающих по напряженности вложенного в них освятельного содержания»¹⁷⁷. В ту эпоху схоластическое богословие еще не успело внести рецидив в сознание православных греков. Будучи верными святоотеческому учению, они не ограничивали благодатного действия Святого Духа евхаристическим канонам или отдельными фразами «тайносовершительного» значения.

XIII и XIV века были временем формирования таксиса литургии, когда на основе существовавших в евхологионах рубрик создавался единый чин совершения литургии с уточнением всех деталей обрядового значения. Этот «Устав Божественных служб» с именем вселенского патриарха Филофея (1354—1355 и вторично 1364—1376) получил широкое распространение на всем Православном Востоке, был переведен на сербский и болгарский языки. В Русскую Церковь его принес митрополит Киприан (1380—1382 и 1390—1406)¹⁷⁸. «Устав Божественной службы» оказал влияние и на архиератиконы, в которых были детально разработаны функции священнослужителей и младших клириков, участвующих в архиерейском богослужении.

Для ознакомления читателей с обрядами малого входа и пения Трисвятого в Константинопольском патриаршем богослужении эпохи распространения устава патриарха Филофея автор использует «Диатаксис патриаршей литургии, как она совершается в Великой церкви», изложенный в евхологионе библиотеки лавры преподобного Саввы Освященного № 352 (607) XIV в., ныне Патриаршей Иерусалимской библиотеки¹⁷⁹.

Согласно этому памятнику патриарх приходит и становится на обычном месте с правой стороны от царских врат (имеются в виду не святые врата, а центральные из притвора в храм). Иерей, совершивший проскомидию, дает возглас: «Благословено Царство...» Диакон: «Миром Господу помолимся» и проч., патриарх же читает молитвы трех антифонов. То же делают и сослужащие ему архиереи, стоя на своих местах. Иерей же, совершавший проскомидию, дает возгласы антифонов... Диакон идет в алтарь, берет из рук иерея евангелие, и совершают вход медленно, впереди идущих из нарфиска. Диакон передает евангелие второму из диаконов, совершавший же проскомидию иерей кланяется патриарху, принимает от него благословение и становится слева от патриарха среди прочих иереев по чину. Все наклоняют головы. Вторствующий диакон, держа орарь поднятым, говорит: «Господу помолимся». Патриарх и все архиереи и иереи тайно читают молитву входа. Диакон, показывая орарем к востоку, говорит: «Благослови, владыко, святой вход». Патриарх, начертав крест к востоку, говорит: «Благосло-

вен вход святых Твоих...» и целует евангелие. Диакон же, встав на середине против амвона и воздев евангелие, возглашает: «Премудрость, прбсти». И совершается вход. Епископиане (?) возглашают «Ис полла эти деспота». В продолжение входа они «потоком» (Ἐρχομενης δε της εισοδου хата ева лотацов), то есть непрерывно возглашают «Ис полла эти деспота». Тогда встают архиереи и иереи и диаконы и сам патриарх. Когда же они идут близ святых икон и поклоняются им, певцы обоих хоров начинают «вперекличку» (εις καθ' εις) «Ис полла эти деспота», пока не пройдут по соле. Проходя святыми вратами, одни целуют правую дверь, а другие левую. Диаконы же целуют престол. Когда же входит патриарх, остиарии¹⁸⁰ прикрывают двери, сначала правую, а затем левую, чтобы дать патриарху целовать их, и потом раскрывают их, и он входит. Подобно ему архиереи, иереи и диаконы целуют святые врата. Патриарх же, войдя, берет у кантрисия кадило, и в то время, когда диаконы поют тропарь дня, кадит крестообразно вокруг престола и отдает кадило кантрисию, который кадит ему. Затем берет от него дикирий, восходит на крипиду святого престола, трижды начертает крест над евангелием, всякий раз говоря: «Господи, Господи, призри с небесе» (до «десница Твоя»), и отдает дикирий кантрисию. Второй диакон обращается к патриарху: «Благослови, владыко, время Трисвятаго». Патриарх благословляет его и возглашает: «Яко Свят еси, Боже наш...» Когда же певцы закончат пение кондака, диакон, испросивший благословение на пение Трисвятого, немного выйдя из святых врат, показывает орать ближайшим и возглашает: «И во веки веков». (Это то же, что в русском служебнике «наводит ораем» — указывало на функцию диакона как руководителя народным пением.) Певцы поют трижды Трисвятое, потом поют один раз иереи и диаконы, при этом трижды поклоняясь. Затем певцы поют славословие, патриарх же, взяв трикирий у кантрисия, начертает трижды крест над евангелием и, держа трикирий в правой руке, говорит: «Господи, Господи, призри с небесе...» По исполнении же славословия поют Трисвятое алтарные, потом певцы и опять алтарные. Когда же алтарные поют Трисвятое в последний раз, патриарх с трикирием в правой руке обращается к западу и благословляет народ трижды¹⁸¹.

По-видимому, приведенный выше таксис являлся наивысшей степенью развития обрядовой стороны малого входа и пения Трисвятого на Православном Востоке. Так можно думать, потому что цитированный выше отрывок из евхологиона № 352 (607) почти дословно совпадает с изложением малого входа и Трисвятого в первом печатном Архиератиконе Греческой Церкви, изданном в Париже в 1676 году доктором Сорбонны, членом Королевского Совета, епископом Исааком Хаббертом¹⁸². Возможно, что это была наилучшая редакция диатаксиста литургии Вселенского патриарха и потому широко распространенная, что и вызвало дословное совпадение текста рукописи № 352 (607) с опубликованным в Архиератиконе епископа Исаака Хабберта.

Помпезность константинопольского патриаршего богослужения, многократные приветствия «Ис полла эти деспота», приобретающие при входе патриарха на солею характер восторженных ликований, не лишили этот обряд того духовного содержания, которого он был исполнен во времена Василия Великого и Иоанна Златоуста. И на закате истории Византийской империи патриарх перед пением Трисвятого, держа в правой руке дикирий, молится у престола, трижды призывая «Господи, Господи, призри с небесе и виждь...», а в конце пения Трисвятого вновь совершал эту молитву, стоя перед тем же престолом с трикирием.

Более того, этой молитвой совершалось бракословение. Священник, взяв венцы, сначала благословлял жениха и возлагал ему на голову венец, затем также благословлял невесту. В третий же раз благословлял обоих, произнося: «Господи, призри с небесе, виждь, посети,

виноград Твой сверши, его же насади десница Твоя». Такое бракоблагословение указано в ряде русских требников XVI века, напр. Ленингр. публ. биб-ки, Соловецкое собрание № 1086, лл. 287 об.—288; № 1105, л. 310 об.; в сербских — Московский исторический музей, Синодальное собрание, № 307, л. 16; № 324, л. 75; Московская биб-ка им. Ленина, собрание Севастьянова, № 1449, л. 24. По Требникам Соловецкого собрания № 1086, лл. 288—289; № 1105, лл. 310 об.—311 и Севастьяновского собрания № 1449, л. 25 об. после пения Молитвы Господней священник шел в алтарь, возглашал: «Вонмем. Преждеосвященная Святая святым» и причащал новобрачных Преждеосвященными Дарами¹⁸³.

Традиция закрепила совершение на полной литургии хиротонии во пресвитера и во епископа, в первом же тысячелетии существования Церкви с Евхаристией были связаны также таинства крещения и бракосочетания. В Иерусалимском списке устава Великой церкви указывается совершение крещения в субботу Ваий¹⁸⁴, в Великую субботу¹⁸⁵, в праздники Пятидесятницы¹⁸⁶ и Богоявления¹⁸⁷. Согласно же Дрезденскому списку, крещение совершалось и в праздник Преображения Господня¹⁸⁸. После миропомазания новокрещенных первый певец правого хора пел тропарь — «Елицы во Христа крестистесе», а первый певец левого хора — стихи из 31-го псалма: «Блажени, их же оставишася беззакония и их же прикрывшася греси». Патриарх же в это время возглавлял шествие новокрещенных из баптистерия в храм¹⁸⁹. Поскольку крещение было массовым и шествие неопитов было медленным, остаточной особенностью массовых крещений является указание иерею в современном чине крещения петь этот псалом «с людьми», «весь трижды»¹⁹⁰.

Таинство брака никогда не имело характера массового явления, подобного таинству крещения, поэтому оно не было приурочено к какому-либо празднику и отсюда отсутствие указаний о нем в типиконе. Это обстоятельство не дает оснований сомневаться в происхождении молитвы бракоблагословения «Призри с небесе, Боже» из той же молитвы, тайно произносимой на литургии епископом в связи с пением Трисвятого. Христианский брак имеет в виду создание христианского семейства, которое в Священном Писании именуется «малой церковью» (Рим. 16, 3—4, 11; 1 Кор. 16, 19; Кол. 4, 15; 1 Тим. 5, 8; Флм. 2). «Малая церковь» нуждается в благодати Божией не меньше, чем многочисленная.

В XVII веке молитва бракосочетания «Призри с небесе, Боже...» была вытеснена сакраментальной формулой: «Господи Боже наш, славою и честию венчай я» (их. — *Н. У.*), которая, в свою очередь, возникла из молитвы: «Господи Боже наш, иже славою и честию венчав святые мученики, Ты ныне венчай раба Твоего сего (имя рек) и рабу Твою сию (имя рек)...»¹⁹¹. Впрочем, с исчезновением молитвы «Призри с небесе, Боже...», чин венчания еще сохраняет некоторые черты литургии. Это начальный возглас «Благословено Царство», великая ектения, три особые молитвы, соответствующие трем молитвам антифонов, чтение Апостола и Евангелия, сугубая и просительная ектении, Молитва Господня и испивание общей чаши. (Отсюда происходит традиция в благочестивых семействах — до венчания жениху и невесте воздерживаться от пищи и питья.)

Источниками сведений об участии императора в патриаршем богослужении являются упомянутые выше списки устава Великой церкви и Обрядник, составленный императором Константином Порфирородным. Прежде чем излагать это участие, необходимо сказать несколько слов о храме Святой Софии в X—XII столетиях. В это время здесь уже был иконостас, отделяющий алтарь от солеи. Имелись врата центральные, называемые святыми, и боковые. В алтаре был только престол и за ним в апсиде запрестольный крест. Жертвенника в современном его понимании в алтаре не было. Не было и сосудохранильницы. Это были

отдельные помещения, не имевшие непосредственного входа из алтаря. С правой и левой сторон за иконостасом имелись два помещения, из которых был выход в алтарь. Это митатории¹⁹². В правом располагался император и в соответствующие моменты, как, например, перед великим входом, он здесь надевал императорскую мантию. Левый митаторий был в распоряжении патриарха. С южной, западной и северной сторон храма имелись галереи. Обычно их называют катехуменами и объясняют это название тем, что якобы здесь присутствовали оглашаемые. В действительности же галереи получили такое название потому, что в них располагались высокопоставленные лица и отсюда они слушали богослужение. В одном из отделений галереи располагался патриарх, когда он не служил¹⁹³.

Левее алтаря почти на уровне восточной капитальной стены храма были расположены то *θυσιαστήριον* — помещения, где приготавливались евхаристические хлебы и вино; сосудохранильница (*η σκευοφυλαξια*), где хранились Святые Дары, мощи святых и священные сосуды¹⁹⁴.

С южной стороны близ притвора стояла крещальня (то *βαπτιστήριον*), а в самом притворе находился святой кладезь (то *φρεαρ αγιον*) — бассейн для омовения рук проходящих в храм. Со стороны входа он был украшен фигурами 12-ти львов, изрыгающих воду, с внутренней же стороны были фигуры 12-ти львов, 12-ти серн, тельцов, орлов и воронов, из пасти которых также лилась вода¹⁹⁵. В Обряднике святой кладезь часто упоминается как место встречи императора с патриархом.

Поскольку в богослужении Вселенского патриарха принимали участие архиереи с многочисленным клиром, а в богослужебном церемониале и сам император с его свитой, в этих случаях предалтарная солея оказывалась неуместительной. Эта художественно-архитектурная проблема была разрешена одновременно с восстановлением купола, упавшего во время землетрясения в 542 году. Архитектор решил поднять пол алтаря, солеи и среднего нефа почти до середины последнего, так что амвон оказался немного восточнее купола. Поднятая площадь представляла своего рода платформу, поддерживаемую восьмью колоннами, расположенными по окружности. Две лестницы, ведущие с юго-восточной и северо-западной сторон, имели по двадцать одной ступеньке. Платформа, разумеется, была ограждена по периметру решетками. Общая высота сооружения вместе с амвоном составляла 6 метров. О площади амвона можно судить по тому, что на нем совершалась коронация императора, а во время богослужения располагались певцы¹⁹⁶. Смотриющему с этой платформы вниз пол храма казался дном. Так называет общий пол храма наш русский паломник архиепископ Новгородский Антоний. Говоря о великом входе, он пишет: «А переносу поют скопцы, а подьяцы прежде, и потом поет чернец един: и тогда дары Господня понесут много попов и дияконов; бывает же тогда плачь и умиление и смирение велико от всего народа не токмо дне во святей Софии, но и на полатах»¹⁹⁷.

Павел Силенциарий (силенциариями при дворце Юстиниана назывались служащие, в обязанности которых входило наблюдение за тишиной во дворце), талантливый поэт, написал гимны ко дню освящения храма 24 декабря 562 года, в которых в стихах, написанных гексаметром, дал обстоятельное описание храма св. Софии и сооружений платформы и амвона. Тем самым он сохранил для истории искусства дату окончания этого сооружения и представление о самом сооружении, которое после падения Константинополя было разрушено турками¹⁹⁸.

В качестве примера патриаршего богослужения с участием императора привожу описание входа императора к Пасхальной литургии по Обряднику с дополнением из Дрезденского списка. Текст, заимствуемый

из Дрезденского списка, помещен в скобках. (Параллельные тексты — А. Дмитриевский. Древнейшие патриаршие типиконы, с. 168—170).

Позволю себе напомнить, что, согласно манускрипта Пиромалиса, во время совершения клиром перед святыми вратами трех антифонов патриарх сидел на своем троне в противоположной (западной) части храма. Так было в праздники и в воскресные дни, когда не ожидалось присутствия за богослужением императора. В тех же случаях, когда царь изъявлял желание присутствовать на литургии, патриарх до встречи царя находился в катехуменах. Когда же царский референдарий¹⁹⁹ сообщал о выходе императора из дворца, патриарх спускался и шел во внутренний притвор, где уже стояли митрополиты, архиепископы, епископы, иереи, диаконы и иподиаконы. Царь же, переступив порог дверей притвора, входил в митаторий. Д. Ф. Беляев поясняет, что под митаторием в данном случае имеется в виду ниша, расположенная перед средними дверями во внутренний нарфикс и закрытая завесой²⁰⁰. Здесь препозит²⁰¹ снимал с царя корону, император входил в нарфикс и патриарх приветствовал его. Царь целовал евангелие, которое держал архидиакон, и крест, который был в руках у патриарха. Поклонившись друг другу, приветствуемые народом, они шли к царским вратам.

Патриарх начинал читать молитву входа Божественной литургии. Царь же, взяв свечи у препозита, молился. По исполнении их молитв к Господу, царь отдавал свечи препозиту и останавливался. (Совершался вход и певцы на амвоне пели входной стих «В церквах благословите Господа. Христос воскрес...»). Царь делал поклоны перед честным крестом и святым евангелием, и вместе с патриархом проходил по середине храма, правее амвона. (Предшествующие же митрополиты в алтаре открывали царю святые врата.) Патриарх входил в алтарь, царь же зажигал свечи, и, помолясь, отдавал их препозиту и входил в алтарь. Входил медленно, потому что стоящие у святых врат митрополиты приоткрывали их и приближали к царю, чтобы он мог поцеловать повешенные на вратах кресты. Царь входил в алтарь и, помолясь перед святым престолом, раскрывал на нем принесенные им два илитона, чтобы положить на них жертвуемые два диска и два потира. Затем целовал святые покровы и, взяв от препозита апокомвий²⁰², полагал его на престоле (приветствуемый по обычаю вторствующим, он оставлял апокомвий и уходил с патриархом, чтобы крестообразно кадить).

А. А. Дмитриевский по поводу фразы «приветствуемый по обычаю» сделал под текстом пометку: «Здесь разумеется сохранившееся и до настоящего времени возглашение в нашей литургии — «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны»²⁰³.

Как было сказано выше, в алтаре Великой церкви находился только престол и за ним в конхе крест, о котором архиепископ Новгородский Антоний пишет: «Во святей Софеи во олтари великом за святым престолом стоит крест злат, выше двюю человек от земли, с каменнем драгим и жемчюгом учинен; а пред ним висит крест злат полутора лотти; водлее трех ветей повешена 3 кандила злата, а горит в них масло; а четвертую ветвий от верху повержено; та же кандила со крестом учинил великий царь Иустиян, иже святую Софию поставил»²⁰⁴. Краткое описание каждаго алтаря и конхи, где находился запрестольный крест, дает Д. Ф. Беляев: «Положивши на св. престоле свои приношения и приложившись к священным предметам, находившимся на святом престоле, царь с патриархом, кадя, обходил св. престол и входил в восточную нишу восточной конхи, молился пред находившимся здесь серебряным, вызолоченным распятием со свечой в руках, прикладываясь к нему, брал у патриарха кадило и кадил святое распятие»²⁰⁵.

Здесь они расставались. Патриарх возвращался в алтарь, а император переходил в расположенный правее алтаря евктирион, из которого был вход в императорский митаторий. Архиепископ Новгородский

Антоний видел этот евктирион и оставил о нем запись: «Во притворе же за великим олтарем вчинены во стене гроба Господня верхняя доска, и посох железен, ту же и свердьлы и пилы, ими же чинен крест Господень; и уже железно во дверех Петровы темницы; и древо, иже на шии у Христа под железом было, тоже вчинено во икону крестом»²⁰⁶.

В Обряднике все упомянутые архиепископом Антонием святыни названы «символами страстей Господа нашего и Бога»²⁰⁷. Они были «вчинены» в стене и своим расположением напоминали крест, поэтому Антоний называет всю композицию иконой («вчинено во икону крестом»). Отсюда самый евктирион назывался Святой ставросией²⁰⁸. Император со свечами делал три поклона перед этими святынями, целовал их и уходил в митаторий.

Д. Ф. Беляев, подытоживая литургическое изложение пасхального богослужения Великой церкви, обращает внимание, что в данном случае пропущена одна подробность, а именно: каждение императором престола, о чем в Обряднике в связи с богослужением в праздник Рождества Богородицы сказано, что после целования престола патриарх берет у своего кантрисия кадило, дает его царю и тот кадит вокруг престола²⁰⁹.

К этому можно добавить, что, как видно из Дрезденского списка, полагалось не только каждение, но и осенение дикирием и трикирием. «По совершении входа,— читаем здесь,— царь идет сначала до святых врат алтаря и, помолившись и благословив свечами (*καὶ σφραγίζων μετὰ φατλῶν*), удаляется к святой раке вместе с патриархом и совершает там подобным образом. Потом царь поднимается в катехумены, патриарх же возвращается в алтарь храма и кадит и сам благословляет свечами, и дается знак певцам и начинают Трисвятое...»²¹⁰.

В Обряднике отведено большое место описанию церемониала царских выходов вообще, в том числе и в храм. Хотя с точки зрения литургической они второстепенны, однако автор считает необходимым их коснуться. Если уставы говорят об участии в богослужении царя, то это не означает, что в лице его мы видим одного богомольца. В тех случаях, когда император присутствовал за богослужением, в храм, где служил патриарх, обязаны были являться и все чины дворцовых служб. Они приходили в Великую церковь до прибытия императора, входили в южную боковую дверь и занимали места в храме строго сообразно с чином и рангом, старшие и высшие впереди, ближе к солее, младшие позади, по обе стороны от центрального входа.

Церемониальное шествие начиналось несением креста равноапостольного царя Константина. За ним шествовали знаменосцы военных знамен и атрибутов царской власти — скипетров и знамен. Знаменосцы со знаменами располагались на солее, а крест святого Константина ставили в алтаре справа от престола.

Читателем может смутиться тем, что в церковной церемонии участвовали военные и царские знамена. Но на этих знаменах были изображены кресты. Напомним, что изображение на знаменах креста связано уже с именем равноапостольного царя Константина в связи с его победой над Максентием. Благодатное значение священным изображениям на знаменах придавали и последующие императоры, исключая, конечно, иконоборцев. Так, Ираклий, выступая против тирана Фоки, имел на своих кораблях как знамя образ Богородицы, а свою войну с персами завершил популярнейшим церковным торжеством — воздвижением Животворящего Креста²¹¹.

В шествии за знаменами шли священосцы, диаконы с кадилами, архидиакон с евангелием, иереи, епископы, архиепископы, митрополиты и за ними царь и патриарх. Царь левой рукой поддерживал под правую руку патриарха. Шествие завершали высшие сановники — «чины кувук-

лии», приближенные к царю, которые имели право доступа в покои императора и присутствовали в царском митатории во время его отдыха там. Певцы пели «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу...» Народ приветствовал, скандируя «Да продлит Бог святое царство Ваше на многие и долгие годы», а церковные певцы пели «Ис полла эти деспота» (отсюда и теперь вход епископа в алтарь завершается пением хора «Ис полла эти деспота»).

Патриарх, входя во святые врата, прикладывался к ним, царь же останавливался, брал у препозита свечу и молился. Затем отдавал свечу и, войдя в алтарь, подходил к престолу и целовал его покров. Затем брал у препозита, который входил в алтарь боковой дверью, принесенные в дар воздуха, ставил на них жертвуемые сосуды и апокомвий. Еще раз целовал священные сосуды. Патриарх брал от канстрисия кадило и, бросив в него ладан, подавал его императору. Император кадил крестообразно кругом престола, запрестольный крест и патриарха. Патриарх выражал благодарность за пожертвование: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны». Царь же ему отвечал: «Господина и патриарха нашего, Господи, сохрани на многая лета». Они раскланивались. Царь уходил в митаторий, где и находился до великого входа, патриарх же давал возглас Трисвятого.

Во всей обрядовой стороне византийского малого входа выступает на передний план не пышная парадность и не внешний эффект, а глубокая богословская продуманность каждого священнодействия. Здесь не было ничего лишнего. Всё было благообразно и по чину (1 Кор. 14, 40), потому что всё основывалось на святоотеческом учении.

Подводя итог обозрению истории первой половины византийской литургии за время от начала царствования императора Юстиниана I до падения самой империи в 1453 году, можно охарактеризовать этот исторический отрезок времени как эпоху исключительного расцвета литургии. Несмотря на неблагоприятные факторы в церковной и государственной жизни Византии — частые войны с переменным успехом, дворцовые перевороты, возникновение ересей и открытое гонение на Церковь со стороны политиканствующих царей, литургическая жизнь Церкви в это время не угасала, а, напротив, процветала.

Когда-то введенные Иоанном Златоустом ночные крестные ходы в ограждение православного народа от влияния ариан и обращение к Богу в постигших страну стихийных бедствиях вызвали в столице появление многократных крестных ходов — литий, как правило совершаемых из построенного императором Юстинианом знаменитого в истории мирового зодчества храма святой Софии, Премудрости Божией, в разные храмы и монастыри столицы в храмовые праздники последних, а также в даты государственных и общественных праздников города. Эти различные литии объединяли христианское население столицы и в конечном счете привели к возникновению энарксиса — нового вида богослужения, непосредственной целью которого было создание молитвенного настроения у народа, приходящего в храм к литургии. В начале второго тысячелетия христианской эры энарксис получил широкое распространение за пределами Константинополя.

Энарксис же вызвал появление священнодействия входа с евангелием. Когда-то принесение евангелия из пастофория для чтения его во время богослужения, а равно и отнесение его по прочтении обратно, составляло одну из обязанностей диакона. Оно, как и зажигание свечей и лампад и принесение в жертвенное помещение предназначенных для совершения Евхаристии хлебов и вина, не имело значения литургического акта. С установлением энарксиса как богослужения, создающего духовный настрой, вход священнослужителей в алтарь с евангелием приобретает новое значение. Если энарксис пением псалмов служил к созданию духовного настроения, то вход с евангелием является кульмина-

ционным пунктом настроя. В этот момент присутствующие в храме слышат обращенный к ним призыв: «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу, спаси нас, Сыне Божий...» Это значит, что с входом в алтарь священнослужителей начинается собственно Евхаристия, та духовная трапеза, о которой Откровение говорит: «Се стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, а он со Мною» (3, 20). Открытые святые врата и несомое в алтаре евангелие запечатлевают переживаемое христианином духовное состояние и приводят его к молитвенному участию в пении Трисвятого. Это первый момент благодатного состояния участника Евхаристии, когда предстоятель сосредоточенно молится о своей пастве, а сослужащий ему клир и народ поют ту же трисвятую песнь, что и ангелы, «составляя общее торжество небесных и земных существ». Это таинственное значение пения Трисвятого, как сказано было выше, выражалось даже в обращении предстоятеля к народу: «Примите Духа Святаго».

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гл. VIII.

² Гл. XXIV.

³ *J. Mateos*. Evolution historique de la Liturgie, p. 47, note 5.

⁴ *Ф. И. Успенский*. История Византийской империи, т. III. Москва — Ленинград, 1948, с. 805.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Новелла 174, гл. 6 по изданию *C. E. Zachariae a Lingenthal*. Lipsiae, 1881.

⁸ *Ф. И. Успенский*. Цит. труд, с. 806—807.

⁹ *Филарет, архиепископ Черниговский*. Исторический обзор песнопевцев и песнопений Греческой Церкви. Изд. 2-е, дополненное. Чернигов, 1864, с. 379.

¹⁰ *А. Дмитриевский*, Описание литургических рукописей..., т. I. Киев, 1895, с. 263.

¹¹ *Филарет, архиепископ Черниговский*. Цит. труд, с. 381.

¹² *Constantinus Porphyrogenitus*. De cerimoniis, cap. 10.

¹³ *Н. Красносельцев*. К изучению «Типика Великой церкви». Одесса, б/г, с. 13 и примечание 1.

¹⁴ Архонт — старейший из равных по сану или по служебному положению. В данном случае были старейшие епископы. В корпорации певчих также были архонты, по видимому так называли наиболее опытных певцов (см., напр., *Х. Матеос*, Типикон, т. I, с. 6). Архонты были и среди детей — певчих из сиротских домов (см. *Матеос*, там же, с. 138).

¹⁵ *Constantinus Porphyrogenitus*. De cerimoniis, cap. 34 и 182. У *Д. Ф. Беляева*, Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям, кн. 2. СПб., 1893, с. 141 и 224—226.

¹⁶ Там же, cap. 16 и 28; *Д. Беляев*, с. 223, 242.

¹⁷ De cerimoniis, с. 547.

¹⁸ *Ф. И. Успенский*. Цит. труд, с. 802—803.

¹⁹ Монтанизм — секта, возникшая в середине II века. Ее основатель Монтан (Фригия), в прошлом языческий жрец, принявший христианство, объявил себя пророком, а двух своих последователей Прискиллу и Максимиллу — пророчицами. Вызывая экстаз искусственным возбуждением нервной системы, иногда доводившим их до потери сознания, они изрекали нечленораздельные звуки и бессвязные слова, и такое «пророчество» оправдывали словами пророка Давида: «Аз рех во изступлении моем: всяк человек лож» (Пс. 115, 2). Монтанизм распространялся, главным образом, среди простого народа. Монтанисты отрицали церковную иерархию и таинства. В VIII—IX столетиях они выступили единым фронтом с иконоборцами против иконопочитания.

²⁰ Павликиане — секта, возникшая в VII веке в Сирии. Некто Константин объявил себя Тимофеем, спутником апостола Павла. Его учение было направлено против государственной Церкви в Византийской империи. Он отрицал всякую организованность христиан, подобную государственной, церковную иерархию, таинства и почитание Богородицы и святых. После смерти основоположника секты его преемники именovali себя спутниками апостола Павла (Тит, Лука) и членами христианских общин, основанных апостолом Павлом (см. Рим. 16, 16—23). Отсюда происходит название секты «павликиане». Павликианство было особенно широко распространено на пограничных территориях империи. Во время иконоборчества павликиане поддерживали императоров-иконоборцев. Особенно широко павликианство было распространено в Си-

рин, в Армении, а позднее и во Фракии, где цитаделью их был Филиппополь (ныне г. Пловдив в Болгарии). Здесь император Алексей Комнин в 1114 и 1118 годах проводил богословские дискуссии с лидерами павликиан.

²¹ См. «Богословские труды», сб. 21, с. 29 и примечания 152 и 153.

²² Ф. И. Успенский. Цит. труд, т. II. Ленинград, 1927, с. 27.

²³ Г. Гельцер. Очерк политической истории Византии. СПб., 1912, с. 65—67.

²⁴ Там же, с. 67—68.

²⁵ Там же, с. 69.

²⁶ Там же, с. 70—71.

²⁷ Там же, с. 72—73.

²⁸ Там же, с. 73—74.

²⁹ Церковная история, VI, 8.

³⁰ Св. Иоанн Златоуст. Творения в русском переводе, т. 2. СПб., 1912, с. 776—778; у Миня, PG, t. 50, col. 713—715.

³¹ См. «Богословские труды», сб. 21, с. 45—46.

³² Вторая поэма о десяти девах. P. Maas and C. Trypanis. Sancti Romani Melodi Cantica. Oxford. 1963, № 48, строфы 3, 4, 5, 7, 8 и 9.

³³ Профессор Н. В. Покровский, описывая константинопольский храм святой Софии, Премудрости Божией, говорит: «Все внутренние поверхности храма в притворе, средней части и в алтаре, стены, своды, арки и купол, допускали в изобилии живописные и мозаичные изображения. Скульптура составляла здесь довольно редкое явление. Блеск разноцветных мраморов, мозаики, золота и живописи — всё это направлено было к тому, чтобы возвышать дух молящегося христианина. Этот блеск является отражением славы Божией, а великолепная живопись представляла христианину наглядно всю историю Божественного домостроительства. В этом символизме и условной обработке деталей храма обнаружилось весьма резко его отличие от сооружений античной древности... И действительно, в храме Софии нашли свое полное выражение и необычайная мощь художественного гения Византии, и сила религиозного воодушевления, и богатство страны, и высокое состояние техники, и благолепие церковной обрядности. Храм Юстиниана блестел золотом и серебром, мозаикою, разноцветными мраморами... Мы вступаем в наружный портик храма с массивными мраморными колоннами; отсюда обширные царские врата ведут внутрь храма; через эти врата входили в св. Софию византийские императоры, откуда произошло и самое наименование их царскими. Опытный глаз увидит над этими вратами, под тонким слоем турецкой замазки, мозаичные изображения Богоматери, Архангела и коленопреклоненного императора, вероятно Льва Мудрого. Тут же до сих пор сохранилось сделанное из бронзы греческое Евангелие, в котором начертаны слова: мир вам, Аз есмь свет миру... Но вот мы в самом храме. Пред нами вдруг, как на ладони, выступают его внушительные размеры и его простота: все здесь ясно, легко, изящно, симметрично; нет ничего излишнего, никаких режущих глаз контрастов, столь обычных в произведениях новейших. Строгое единство стиля, его выдержанность и оригинальность производят впечатление спокойного, невозмутимого величия и важности. Огромные столбы, поддерживающие своды и купол, не вредят его внутреннему простору и не стесняют кругозор наблюдателя. Огромный купол (104 фута в диаметре), чудо древнего искусства, почти висит на воздухе; он необыкновенно легок и строен; его многочисленные окна разливают обильный свет по всем частям храма. На всем здесь лежит печать искусства; всюду заметно выражение искренней любви к делу искусства, отличающее древний художественный памятник от нового ремесленного произведения. Пройдем по всему храму и оживим наши исторические воспоминания: вот место древнего алтаря, жертвенника и диаконника с невысокой, но обширной солеей, возле которой некогда находилась низкая алтарная преграда из мрамора, теперь уже не существующая; вот хоры или гинекей, предназначавшиеся для женщин... Всмотритесь пристальнее в эти запыленные стены и своды, и вы увидите под тонким слоем замазки ясные следы православных изображений: на алтарной стене просвечивает лик Богоматери, в парусах сводов видны херувимы, в сводах боковых нефов видны мозаичные кресты и монограммы, то же и на верхушках колонн» (Проф. Н. В. Покровский. Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Петроград, 1916, с. 40—42). О размерах грандиозного сооружения храма св. Софии Ф. И. Успенский пишет: «Святая София представляет собой обширный четырехугольник с двумя нарффиками, длиной 77, шириной 71,7 метра без нарффиков. Архитектурное чудо храма — это центральный купол в 31 м в диаметре» (Ф. И. Успенский. Цит. труд, т. I. СПб., б. г., с. 532).

³⁴ Проф. Н. Красносельцев на основании содержания этого манускрипта датирует его концом IX века (Типик церкви св. Софии в Константинополе IX в. Одесса, 1892, с. 12). Проф. А. А. Дмитриевский не возражает против этой даты, но публикуемый проф. Н. Красносельцевым список по почерку письма относит к X веку. (Описание..., т. I, с. 1).

³⁵ J. Mateos, Turicon, I, p. XVIII—XIX.

³⁶ А. Дмитриевский. Древнейшие патриаршие типиконы..., с. 267—268.

³⁷ J. Mateos, Turicon, II, p. 304—305.

³⁸ Там же, I, с. 288.

³⁹ См. «Богословские труды», сб. 21, с. 44.

- ⁴⁰ *J. Mateos*. Турисон, I, p. 62—64.
- ⁴¹ *А. Дмитриевский*. Древнейшие патриаршие типиконы., с. 201—202.
- ⁴² *J. Mateos*. Турисон, I, p. 64.
- ⁴³ Там же, II, с. 146.
- ⁴⁴ *А. Дмитриевский*. Описание..., т. I, с. 146.
- ⁴⁵ Там же, с. 100.
- ⁴⁶ Там же, с. 92.
- ⁴⁷ Там же, с. 93.
- ⁴⁸ Там же, с. 6.
- ⁴⁹ Там же, с. 13.
- ⁵⁰ Типик церкви св. Софии в Константинополе., с. 69.
- ⁵¹ *J. Mateos*. Турисон, I, p. 22.
- ⁵² Там же, с. 324—326.
- ⁵³ Там же, с. 324.
- ⁵⁴ *А. Дмитриевский*. Древнейшие патриаршие типиконы., с. 239—240.
- ⁵⁵ Там же, с. 318—319.
- ⁵⁶ Там же, с. 319—321.
- ⁵⁷ Там же, с. 321.
- ⁵⁸ Там же, с. 154.
- ⁵⁹ *J. Mateos*. Турисон, I, p. 138.
- ⁶⁰ *А. Дмитриевский*. Описание..., т. I, с. 32.
- ⁶¹ *П. Савваитов*. Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. СПб., 1872, с. 117—118.
- ⁶² Четьи миней. Ноябрь, 29 число. Кроме того упоминается в житии патриарха Германа.
- ⁶³ Четьи миней. Январь, 26 число и Ноябрь, 11.
- ⁶⁴ Четьи миней. Июнь, 2 число.
- ⁶⁵ Четьи миней. Май, 12 число.
- ⁶⁶ Четьи миней. Август, 9 число.
- ⁶⁷ *П. Савваитов*, цит. труд, с. 123.
- ⁶⁸ Там же, с. 135.
- ⁶⁹ *J. Mateos*. Турисон, II, p. 110.
- ⁷⁰ См. «Богословские труды», сб. 21, с. 46.
- ⁷¹ *Протоиерей К. С. Кекелидзе*. Иерусалимский канонарь VII века (грузинская версия). Тифлис, 1912, с. 94.
- ⁷² *Leo Magnus Romanus Pontifex...* Lugduni, MDCLII, epistola LXXII, pag. 144.
- ⁷³ *F. E. Brightman*. Liturgies eastern and western. Oxford, 1896. Армянская — с. 421, Сирийская — с. 77, апостола Иакова — с. 33 и евангелиста Марка — с. 116—117.
- ⁷⁴ *Н. Красносельцев*. Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885, с. 343.
- ⁷⁵ *J. B. Thibaut*. Monuments de la notation ekphonétique et hagiopolite de l'église grecque. St. Petersburg. 1913, pars 3, pag. 7.
- ⁷⁶ *J. Quasten*, Patrology, III, p. 227.
- ⁷⁷ *J. Mateos*. Evolution historique de la Liturgie de saint Jean Chrysostome, p. 34.
- ⁷⁸ Там же, с. 35.
- ⁷⁹ *L. Bouyer*. Eucharist. London, 1968, p. 246.
- ⁸⁰ *Брайтман*. Цит. труд, с. 265—267.
- ⁸¹ *C. A. Swainson*. The Greek Liturgies. London, 1884, p. 191—192.
- ⁸² *J. Mateos*. Evolution..., p. 26.
- ⁸³ *C. A. Swainson*, p. XV.
- ⁸⁴ Труд *N. Borgia*. Il commentario liturgico di S. Germano Patriarca costantinopolitano e la versione latina di Anastasio Bibliotecario. Grottaferrata, 1912, к моему глубокому сожалению, для меня оказался недоступным. Я пользуюсь сведениями из труда проф. Матеоса Evolution historique, p. 23.
- ⁸⁵ *Н. Красносельцев*. Сведения..., с. 283—286.
- ⁸⁶ Там же, с. 284, примечание 2.
- ⁸⁷ *Иоанн Златоуст*. Беседа «Похвала тем, которые пришли в церковь». Творения, т. 6. СПб., 1900, с. 480; у Миня: PG, t. 56, col. 97.
- ⁸⁸ *J. Mateos*. Турисон, II, p. 200.
- ⁸⁹ *Брайтман*. Цит. труд, с. 312.
- ⁹⁰ *J. Mateos*. Турисон, II, p. 4.
- ⁹¹ Там же, с. 142.
- ⁹² Там же, с. 110.
- ⁹³ Там же, с. 138.
- ⁹⁴ Там же, с. 128.
- ⁹⁵ Там же, с. 64.
- ⁹⁶ Там же, I, с. 360.
- ⁹⁷ Там же, с. 30—32.
- ⁹⁸ См. «Богословские труды», сб. 21, с. 32—33.
- ⁹⁹ *Н. Красносельцев*. Сведения..., с. 287.
- ¹⁰⁰ *J. Mateos*. Evolution..., p. 3, note 8.

- ¹⁰¹ А. Дмитриевский. Описание.., I, с. 355.
¹⁰² Там же, с. 367.
¹⁰³ Там же, с. 379.
¹⁰⁴ Там же, с. 432.
¹⁰⁵ Там же, с. 481.
¹⁰⁶ Там же, с. 549.
¹⁰⁷ Там же, с. 555.
¹⁰⁸ Там же, с. 559.
¹⁰⁹ С. Мурегов. К материалам для истории чинопоследования литургии. Сергиев Посад, 1895, с. 3.
¹¹⁰ А. Дмитриевский. Описание.., I, с. 133.
¹¹¹ С. Swainson. Цит. труд, с. 89 и 90.
¹¹² J. Mateos. Evolution.., p. 4.
¹¹³ На Православном Востоке вообще не произносят ектений об оглашаемых и о верных. Сугубую ектению завершают возгласом: «Яко да под державою Твоею всегда храними...».
¹¹⁴ J. Goar. Euchologion.., изд. 1730, с. 150—153.
¹¹⁵ Liturgiae sive Missae Sanctorum Patrum publiée par G. Morel, Paris, 1560.
Этот нужный для моего исследования труд оказался для меня недоступным. Поэтому цитирую его по труду проф. Х. Матеоса Evolution.., p. 15.
¹¹⁶ Гл. IV и XIV.
¹¹⁷ I Кор. 23, 29 и 51.
¹¹⁸ Строматы, VII.
¹¹⁹ VII, 17.
¹²⁰ Н. Красносельцев. Материалы для истории чинопоследования литургии святого Иоанна Златоуста. Казань, 1889, с. 6—16.
¹²¹ А. Дмитриевский. Описание.., III, с. 508—748.
¹²² Арабская версия была опубликована К. Бахом с переводом на французский язык в «Хрисостомике». Рим, 1908 (арабский текст — стр. 418, французский — 449). Грузинскую версию опубликовал А. Жакоб в «Музеон'е» 77, (1964), стр. 92. За отсутствием этих изданий цитирую их по труду Х. Матеоса, Evolution.., p. 23.
¹²³ Н. Красносельцев. Сведения.., с. 285.
¹²⁴ Goar. Euchologion.., с. 135.
¹²⁵ Там же, с. 83.
¹²⁶ Н. Красносельцев. Сведения.., с. 283—284.
¹²⁷ J. Mateos. Турисон, II, p. 284—285. Его же. Evolution.., p. 31, note 52.
¹²⁸ А. Дмитриевский. Описание.., I, с. 594.
¹²⁹ J. Mateos. Турисон, II, p. 94.
¹³⁰ Там же, с. 128.
¹³¹ Там же, с. 138.
¹³² Там же, с. 150—152.
¹³³ Там же, с. 156—158.
¹³⁴ Там же, с. 178—180.
¹³⁵ Там же, с. 186.
¹³⁶ Там же, с. 152 и 178—180.
¹³⁷ Его же, Evolution.., p. 41.
¹³⁸ А. Дмитриевский. Описание.., т. I, комментарии XXXIII—LIII, текст с. 256—656.
¹³⁹ Там же, с. XXXVI—XXXVII.
¹⁴⁰ Там же, с. 442.
¹⁴¹ Там же, с. XLII.
¹⁴² Там же, с. 586.
¹⁴³ Там же, с. 383.
¹⁴⁴ J. Mateos. Турисон, I, p. 32.
¹⁴⁵ А. Дмитриевский. Описание.., I, с. 128.
¹⁴⁶ J. Mateos. Турисон, II, p. 66.
¹⁴⁷ А. Дмитриевский. Описание.., I, с. 542.
¹⁴⁸ Там же, с. 481.
¹⁴⁹ Там же, с. 266.
¹⁵⁰ Там же, с. 265.
¹⁵¹ Там же, с. 322.
¹⁵² Там же, с. 407.
¹⁵³ Там же, с. 432.
¹⁵⁴ Там же, с. 488.
¹⁵⁵ Там же, с. 489.
¹⁵⁶ Τυπικὸν τῆς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας... Ἀθῆναι, 1913, σ. 68.
¹⁵⁷ Там же, с. 101—102.
¹⁵⁸ Там же, с. 137—138.
¹⁵⁹ Там же, с. 172—173.
¹⁶⁰ Там же, с. 207—208.
¹⁶¹ Там же, с. 307—308.
¹⁶² Там же, с. 337—338.
¹⁶³ Там же, с. 342—343.

¹⁶⁴ Илитарий — богослужебная книга, содержащая чинопоследование только литургии. В данном случае имеется в виду илитарий литургии Василия Великого.

¹⁶⁵ А. Дмитриевский. Описание., II, с. 140.

¹⁶⁶ Н. Красносельцев. Сведения., с. 343—345.

¹⁶⁷ А. Дмитриевский. Описание., II, с. 157.

¹⁶⁸ Симеон, архиепископ Фессалоникийский. *Περὶ τῆς Θείας προσευχῆς*. У Миня Р. С., 155, гл. 349, кол. 633.

¹⁶⁹ J. Mateos. Turicon, I, p. 44—48.

¹⁷⁰ А. Дмитриевский. Описание., I, с. 152—153.

¹⁷¹ Канстрий — должностное лицо при патриархе или архiereе, а также и в некоторых монастырях. В обязанность канстрия входило подавать архiereю кадило, свечи, ладан, сосуд для елеопомазания и ведать матеральной частью этих священнодействий.

¹⁷² Контактном греки называли свиток с богослужебным текстом, в отличие от книги, прикрепленный к палочке (то *χονταμιον*). Отсюда происходит слово «кондак». Но контакон мог содержать не только кондаки, но и другие песнопения и целые чинопоследования. См. А. Дмитриевский. Отзыв о сочинении М. И. Орлова: «Литургия святого Василия Великого», СПб., 1911, где приведены манускрипты-контакты, содержащие служебник и требник (с. 217—222).

¹⁷³ R. Taft. The Pontifical Liturgy of the Great Church according to a Twelfth-Century Diataxis in Codex British Museum add. 34060. Roma, 1979, p. 284—288.

¹⁷⁴ Максим Исповедник. Тайноводство, гл. IX.

¹⁷⁵ Так называется приподнятое от общего пола алтаря основание престола, выступающее в виде ступенек.

¹⁷⁶ А. Дмитриевский. Описание., II, с. 140.

¹⁷⁷ Архимандрит Киприан. Евхаристия. Париж, 1947, с. 152.

¹⁷⁸ Полный список «Устава Божественной службы» с именем патриарха Филофея в переводе с греческого на славянский нашел проф. Н. Ф. Красносельцев в служебнике Ватиканской биб-ки № 14 начала XV или конца XIV века и опубликовал его (см. Сведения., с. 172—194).

¹⁷⁹ А. Дмитриевский. Описание., II, с. 301—306.

¹⁸⁰ Остриарии — привратники. В древней Церкви это была низшая степень церковного служения. В архиератикомах XIV—XV столетий так именовались священнослужители, на которых возлагалась почетная функция — при входе в алтарь архiereя раскрытые святые двери немного повернуть в обратную сторону, чтобы архiereй мог поцеловать висящие на вратах крестики. После этого целования дверь снова раскрывалась. Остриарии стояли по обеим сторонам от святых врат. Сначала действовал стоявший на правой стороне алтаря, а затем — на левой. При участии в богослужении императора эту функцию выполняли митрополиты, о чем в Обряднике говорится: «Предшествовавшие же митрополиты в алтаре открывают царю святые врата... (Царь) входит медленно, потому что стоящие у святых врат митрополиты приоткрывают их и приближают к царю, чтобы он мог поцеловать повешенные на вратах кресты» (Обрядник, I, 9, 64—65).

¹⁸¹ В XIV—XV столетиях в евхологионах в связи с пением Трисвятого появляется слово динамис (δυναμῖς). В певческих же книгах оно оказывается положенным на музыку. Было несколько попыток объяснить значение этого слова. Одни объясняли, что это слово введено было в ритуал патриаршего богослужения в присутствии царственных особ для большей его торжественности. Другие объясняли это тем, что это слово вносило разнообразие в многократное пение певцами и священнослужителями одного и того же текста Трисвятого. Но оба объяснения остались непризнанными. Наш русский историк церковного пения протоиерей Д. Разумовский по этому поводу писал: «Это вставочное слово в нотные богослужебные книги, когда-то обозначавшее характер самого пения, в настоящее время утратило свое первоначальное значение и поется на ряду с текстом «Святый Боже», как бы его неотъемлемая принадлежность» (Церковное пение в России, вып. I. М., 1867, с. 109).

Думается, что появление слова «динамис», что буквально значит «сила, энергия», более глубоководно, чем кажется на первый взгляд. Показательно прежде всего то, что оно произошло диаконом, который обращался с этим словом к народу. Обращение происходило во святых вратах, в тот момент, когда епископ брал от иподиакона трикирий и, трижды начертав им образ креста над евангелием, совершал перед престолом три поклона, и при каждом молился, говоря: «Господи, Господи, призи с небесе и виждь и посети виноград сей и утверди и, его же насади десница Твоя», стоящие же у престола священнослужители пели Трисвятое, а певцы вне алтаря пели динамис и Трисвятое, и в третий раз священнослужители пели Трисвятое. Епископ же, перейдя на горнее место, когда священнослужители в последний раз пели «Святый Боже», благословлял прямо, когда же пели «Святый Крепкий», он благословлял направо (налево от себя), а на словах «Святый Бессмертный, помилуй нас» — налево (направо от себя). Учитывая весь комплекс священнодействий и молитв епископа, священнослужителей и народа, логичнее придать слову «динамис» значение призыва к усиленной, энергичной всеобщей молитве, а не к усилению звучности. В пользу такого понимания слова «динамис» говорит и указание архиератиконов на исполнение Трисвятого *μελούς και αρυίας*, то есть мелодично и медленно. Сильное по звуч-

ности пение не может быть мелодичным! Призыв диакона к пению Трисвятого «динамис» имел тот же смысл, что и обращение диакона в XII—XIII веке перед пением Трисвятого со словами «Примите Духа Святаго».

¹⁸² Архиператиков, *Liber Pontificalis Ecclesiae Graecae... Isaacii Haberti, Parisiis, 1676, p. 52—56.* А. Жакоб полагает, что Хаберт в основу своего Архиператикона положил кодекс Парижской нац. библиотеки Гр. № 1362 (XV в.): А. *Jacob. Histoire du formulaire grec de la Liturgie de Saint Jean Chrysostome. Louvain, 1968, p. 444, note 6.*

Заметим, что в Греческой Церкви, а также в Болгарской и Сербской до сего времени сохраняется троекратное чтение архиереем молитвы «Призри с небесе, Боже», причем в первый раз она начинается словами «Господи, Господи...», во второй раз — «Призри с небесе, Боже...» и в третий раз — «Господи, Господи...» В отличие от изложенного в цитированных выше манускриптах и печатном Архиператиконе Хаберта двухкратное чтение этих молитв (первого с начертанием креста дикирием и второго трикирием) полагается одно. У сербов, например, после возгласа «Яко свят еси, Боже наш» в то время, когда архиерей читает молитву Трисвятого, певцы поют Трисвятое дважды, затем, когда архиерей делает крест над престолом, священнослужители поют Трисвятое один раз. Затем певцы еще один раз и священнослужители также. В это время архиерей делает крест над евангелием трикирием следующим образом. С верхнего левого угла переходит на нижний правый, затем на верхний правый и заканчивает начертание креста на левом нижнем. Затем певцы поют «Слава и ныне», и после «Аминь» архиерей произносит молитву «Господи, Господи», а священнослужители отвечают ему медленным пением «Святой Боже». Архиерей произносит «Призри с небесе...» На это священнослужители отвечают пением «Святой Крепкий», архиерей — «Господи, Господи», а священнослужители — «Святой Бессмертный, помилуй нас». Тогда архиерей выходит на солею и осеняет народ дикирием и трикирием. И когда он возвращается в алтарь, тогда певцы поют конечное «Святой Боже» (см. Деяния Совещания глав и представителей Автокефальных Православных Церквей, т. II. Москва, 1949, стр. 354).

¹⁸³ А. Дмитриевский. Богослужение в Русской Церкви в XVI веке, Казань, 1884, с. 394—396.

¹⁸⁴ J. Mateos. Турисоп, II, p. 62.

¹⁸⁵ Там же, с. 84.

¹⁸⁶ Там же, с. 136.

¹⁸⁷ Там же, I, с. 188.

¹⁸⁸ А. Дмитриевский. Древнейшие патриаршие типиконы., с. 312—313.

¹⁸⁹ J. Mateos. Турисоп, II, p. 88, 315.

¹⁹⁰ Требник. Издание Синодальной типографии, Москва, 1900, л. 24 и об.

¹⁹¹ Требник Моск. Гос. Историч. музея, Синодальное собрание, № 373, XV в. (Описание славянских рукописей Московской Синодальной биб-ки, отд. III, ч. 1, Москва, 1869). Эта же молитва имеется и в упомянутых выше требниках Соловецкого собрания — № 1086, л. 287 об.; 288 и № 1105, л. 310 об.

¹⁹² История митатория связана с конфликтом между императором Феодосием Великим и святым Амвросием, епископом Медиоланским. Впервые сведения об этом конфликте сообщает Созомен (Церковная история, кн. седьмая, гл. 25). Причина конфликта была следующая. У начальника войск Илирика, в регион которого входил и город Фессалоники, по имени Вуферик, возница последнего склонял к порочной связи виночерпия и, будучи уличен в этом, был посажен в тюрьму. В Фессалониках в это время предстояли конские состязания, и народ требовал от Вуферика, чтобы тот выпустил возницу из тюрьмы для участия в состязаниях. Вуферик отказался выполнить эту просьбу. Взбунтовавшийся народ убил самого Вуферика. Феодосий, узнав об этом, весьма разгневался и приказал убить зное число первых встречных мужчин города Фессалоники. В результате такого приказа город обгарился кровью многих невинных, потому что никто не знал дня этой кровавой расправы. Погибли не только жители города, но и приезжие по торговым делам иностранцы. Созомен рассказывает, как один престарелый отец просил не убивать его сыновей, предлагал убить его самого и обещал в награду все свое золото. Сжалившись над стариком, солдаты предложили ему на выбор одного из его сыновей, но так как он не мог сделать такого выбора, а солдаты боялись опустить двоих, потому что тогда не выйдет полного числа убитых, они на глазах отца убили обоих.

Всё это стало известным святителю Амвросию. И когда Феодосий прибыл в Милан и вошел в церковь, чтобы помолиться, Амвросий, встретив его в дверях храма, взял его за порфиру и в присутствии народа сказал ему: «Остановись. Человеку, осверженному грехом и несправедливо обгарившему руки кровью, нельзя прежде покаяния переступить этот порог и прикасаться Божественных таинств». В житии святителя Амвросия еще сообщается, что император на обличение епископа сказал: «И Давид согрешил, совершив убийство и прелюбодеяние, однако он не лишился Божия милосердия». Святой Амвросий на это ответил царю: «Если ты подражал грешившему Давиду, то подражай ему и кающемуся». Феодосий, пораженный смелостью Амвросия, удалился, снял с себя царские одежды и корону, и как великий грешник всенародно каялся. Когда же время епитимии истекло и он пришел в храм, чтобы по существующему обычаю причаститься в алтаре, то Амвросий, считавший, что разрешенные царям причащаться в алтаре произошло от человекоугодничества или от наруше-

ния порядка, послал архидиакона сказать царю, чтобы он ожидал причащения на солее вместе со всем народом. Феодосий вышел из алтаря и подчинился указанию Амвросия. Но так как согласно дворцовому церемониалу царь перед причащением Святых Таин должен был надевать мантию, а переодевание его перед всем народом могло отвлечь людей от молитвы, со временем решено было сделать в храмах, где он причащается отдельное для него помещение, не имеющее непосредственного входа в алтарь.

¹⁹³ П. Савваитов. Цит. труд, с. 75—76, примечание 48.

¹⁹⁴ Neil K. Moran. The musical "Gestaltung" of the Great Entrance ceremony in the 12-th Century in accordance with Rite of Hagia Sophia. "Jahrbuch der östereichischen Byzantinistik", 28 (1979), S. 178—181.

¹⁹⁵ Н. Покровский. Лекции по литургике. Литогр. издание 1885—86 г. СПб., с. 106.

¹⁹⁶ Neil K. Moran. Цит. труд, там же.

¹⁹⁷ П. Савваитов. Цит. труд, с. 76.

¹⁹⁸ Труд Павла Силенциария впервые был опубликован И. Беккером (Corpus scriptorum Historiae Byzantinae). Бонн, 1837, затем Минем в Патрологии греческой, т. 86, кол. 2119—58. Описание храма святой Софии, комментарии Дюканжа, также заимствованные у Беккера, кол. 2259—252 и описание амвона 2251—264.

¹⁹⁹ Референдарий — то же, что референт.

²⁰⁰ Д. Беляев. Byzantina, II, с. 150.

²⁰¹ Препозит — придворный чиновник высокого ранга. Он сопровождал императора при его выходах из дворца, выполнял его поручения, и ему вменялось в обязанность напомнить императору, что он должен был сделать в данном выходе.

²⁰² Апокомвий от $\alpha\omicron\mu\upsilon\upsilon\omicron\varsigma$ = шнур, перевязь, соответствует русскому «мешочек, кошелек». Ведет начало от эпохи Римской империи, когда император или консул по случаю его избрания раздавал или бросал народу кошельки с монетами. В византийском богослужении император вне зависимости от того, делал он вещевое пожертвование (священные сосуды, облачения или пелены) или нет, полагал на престол апокомвий с золотыми монетами.

²⁰³ А. Дмитриевский. Древнейшие патриаршие типиконы, с. 169, примечание 1.

²⁰⁴ П. Савваитов. Цит. труд, с. 77.

²⁰⁵ Д. Беляев. Цит. труд, с. 161—162.

²⁰⁶ П. Савваитов. Цит. труд, с. 80.

²⁰⁷ Обрядник I, 1, с. 16.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Д. Беляев. Цит. труд, с. 162, примечание 2.

²¹⁰ А. Дмитриевский. Древнейшие патриаршие типиконы, с. 303—305.

²¹¹ Ф. И. Успенский. Цит. труд, с. 806.